ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ МЕДІУМИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА Е. М. ДЕКОНСКОЙ.

Пусть говорятъ, что хотятъ, пусть смѣются, пусть не вѣрятъ... Мнѣ все равно, такъ какъ *теперь никто и ничто не поколеблетъ моей вѣры въ дѣйствительность существованія необыкновенныхъ явленій въ области такъ называемаго спиритизма.* Около десяти лѣтъ уже, я полу-шутя, ради любопытства, занимаюсь этимъ вопросомъ и до сихъ поръ, какъ почти и всѣ, я не вѣрила и критически и насмѣшливо относилась къ такъ именуемымъ «сообщеніямъ духовъ», проявляющихъ себя, когда ихъ вызывали, сидя вокругъ небольшого круглаго столика, положивъ на него руки, и отвѣчавшихъ стуками на наши вопросы, ударяя при произношеніи нами по очереди всѣхъ буквъ азбуки на тѣ именно, изъ которыхъ должны были составиться слова отвѣта. Столикъ, наклоняясь въ разныя стороны, громко стучалъ, ударяя объ полъ одною изъ своихъ ножекъ, указывая этимъ, какія именно буквы надлежало записывать; записавъ букву, мы начинали опять сначала (съ буквы *а*) перечислять вслухъ всѣ буквы, по очереди, пока но-

выми стуками не указывалась слѣдующая затѣмъ буква и такъ далѣе; такимъ образомъ, получались слова и цѣлыя фразы въ отвѣтъ на предлагаемые нами вопросы. Отвѣты эти, по большей части, бывали очень удачны и предсказанія, дѣлаемыя такимъ же путемъ, также часто сбывались. Продѣлывали мы это, живя въ деревнѣ, по вечерамъ, отъ скуки, и это было у насъ чѣмъ-то въ родѣ гаданья. Занятіе это казалось намъ интереснымъ также и потому, что о спиритизмѣ мы читали и много о немъ слышали, и отвѣты, получаемые нами, яко-бы отъ «духовъ», всегда были удачные и на какомъ бы языкѣ ни предлагались вопросы, «духи» отвѣчали, иногда даже не дослушавши всѣхъ словъ вопроса, *понявъ только мысль*. Отвѣчали и на мысли сокровенныя. Но кромѣ этого, втеченіе десятилѣтнихъ моихъ занятій спиритизмомъ, *никогда ничего особеннаго, выдающагося не происходило* и всѣ явленія были *слабы и однообразны*. Лѣтомъ же 1894 года, когда я начала вести очень важное для меня и крайне сложное и трудное дѣло Покровскихъ крестьянъ, я часто, садясь за столикъ, обращалась по этому дѣлу къ духу нѣкоего Александра Николаевича Поля. Онъ впродолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ являлся ко мнѣ во время нашихъ сеансовъ [1]).

Когда А. Н. Поль былъ еще живъ, то постоянно

[1]) А. Н. Поль былъ мой ближайшій сосѣдъ (по моему Екатеринославскому имѣнію) бывалъ у меня часто (при жизни). Занимаясь постоянно разными рудными дѣлами, онъ по сосѣдству заарендовалъ за безцѣнокъ, стоющія милліоны, рудныя земли многихъ крестьянскихъ обществъ. Пользуясь полнымъ незнаніемъ крестьянъ, онъ ихъ жестоко обманулъ.

подшучивалъ надъ моими занятіями спиритизмомъ и однажды, вѣроятно, чтобы посмѣяться надо мною, далъ мнѣ клятвенное обѣщаніе и послѣ своей смерти являться ко мнѣ, если это окажется возможнымъ. Дѣло Покровскихъ крестьянъ, которое я начала вести, было хорошо извѣстно А. Н. Полю, такъ какъ онъ самъ, при жизни, принималъ въ немъ участіе и, какъ оказалось, *не перестал* имъ интересоваться и послѣ своей смерти и на мой первый вопросъ относительно его далъ мнѣ отвѣтъ, крайне меня удивившій... Отвѣтъ этотъ былъ слѣдующій: «Умоляю васъ, *спасите крестьянъ* отъ этихъ вампировъ; я виноватъ, я обидѣлъ крестьянъ и душа моя страдаетъ и не знаетъ покоя». Въ то время мнѣ были неизвѣстны многія подробности дѣла, за которое я бралась, и потому, повторяю, я удивилась тому, что онъ мнѣ сказалъ и не поняла, къ чему это говорилось. Потомъ оказалось, что въ этихъ словахъ былъ глубокій смыслъ, но объ этомъ скажу послѣ. Духъ Поля, являясь ко мнѣ, постоянно продолжалъ давать мнѣ совѣты относительно этого дѣла и, мало-по-малу, *раскрывалъ мнѣ такія подробности, про которыя безъ него я никакъ бы узнать не могла*. Такъ какъ онъ при жизни велъ это дѣло съ крестьянами дер. Покровки, то онъ указывалъ мнѣ, какіе были совершены договоры, въ чемъ ихъ слабая сторона и по какимъ пунктамъ договоровъ можно будетъ выиграть спорное дѣло, и что всего удивительнѣе, заранѣе называлъ имена людей, часто мнѣ совершенно незнакомыхъ, совѣтуя обратиться къ нимъ и заранѣе предсказывая, что они мнѣ окажутъ помощь и содѣйствіе; онъ назвалъ мнѣ Юркевича и

многихъ другихъ. Какъ доказательство, я укажу на то, что еще въ самомъ началѣ дѣла, разсказывая моимъ знакомымъ объ этихъ удивительныхъ предсказаніяхъ, я тогда же называла имъ имена многихъ лицъ, указанныхъ мнѣ духомъ Поля (знакомые мои не откажутся и теперь подтвердить это). Болѣе подробно описать теперь всего этого не могу, такъ какъ записывали въ то время кратко и лишь только то, что относится къ происходившимъ въ то время явленіямъ.

10-го ноября 1894 г., вечеромъ, будучи очень разстроена и крайне утомлена всѣми непріятностями, дѣлаемыми совсѣхъ сторонъ тѣми, кто велъ означенное дѣло противъ меня и покровскихъ крестьянъ, я, сѣвъ за столикъ, сказала, обращаясь къ духу А. Н. Поля: «Я такъ устала, мнѣ такъ надоѣло вести это дѣло, которое я, главнымъ образомъ, начала по твоему совѣту и приказанію, что я рѣшила его бросить... Да къ тому же, я *постоянно сомнѣваюсь въ томъ*, что тотъ, кто говоритъ со мною, черезъ посредство этого столика, *есть дѣйствительно ты, то-есть, тотъ самый Александръ Николаевичъ Поль*, ради котораго я веду это скучное и страшно трудное дѣло (дѣло это уже тянется съ 1893 года и все еще не кончено). Если это ты, дѣйствительно, А. Н. Поль и ты и въ настоящее время послѣ смерти *существо живое и все понимающее и если ты непремѣнно желаешь и* требуешь, чтобы *я во что бы то ни стало продолжала вести* это дѣло покровскихъ крестьянъ, то соверши сейчасъ же что-нибудь необыкновенное, особенное; ну, хоть объясни мнѣ, что означаетъ видѣнный мною

сегодня ночью сонъ (мнѣ снилось, что я летаю)? и тогда я вновь буду вѣрить въ тебя и не брошу начатаго мною, по твоему желанію, дѣла». Послѣ нѣсколькихъ секундъ, послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ: «Сейчасъ ты узнаешь, что означаетъ твой сонъ». И, о чудо!.. Столикъ нашъ, поверхъ котораго, одна на другой, лежали наши руки (мои и дѣвушки Серафимы Стрѣльниковой) сталъ плавно подниматься на воздухъ и, поднявшись болѣе чѣмъ на аршинъ отъ полу, пробылъ на такой высотѣ (*вися на воздухѣ, безъ всякой поддержки*) нѣсколько секундъ, а затѣмъ тихо опустился на полъ. Мы удивились: такое явленіе произошло у насъ въ первый разъ. Тогда я сказала: «Я не вѣрю тому, что сейчасъ было, *я не могу этому вѣрить*, такъ какъ это необычайно; чтобы я повѣрила, *поднимись снова*, и стань на большой столъ» (рядомъ съ мѣстомъ, гдѣ мы сидѣли стоялъ другой большой столъ). И тогда нашъ маленькій столикъ, поднявшись вторично еще выше на воздухъ и двигаясь тихо все впередъ на той же высотѣ, по воздуху сталъ какъ бы плыть по указанному мною направленію и затѣмъ сталъ на тотъ самый большой столъ, куда ему было указано. Мы ахнули отъ удивленія, зажгли свѣчи (комната слабо освѣщалась луною, такъ какъ ставни оконъ были не закрыты) и увидѣли нашъ маленькій столикъ все еще стоявшимъ на большомъ столѣ. То же самое въ этотъ же вечеръ, по нашему желанію, повторялось много разъ, то же повторялось и на слѣдующій вечеръ, но еще удачнѣе, и столикъ всякій разъ, поднимаясь высоко на воздухъ и плавно двигаясь по воздуху, становился всегда на указываемыя ему мною мѣста. Затѣмъ во время одного

изъ своихъ летаній столикъ (поднявшись очень высоко на воздухъ, такъ что мы не могли уже удержать поверхъ его нашихъ рукъ), упалъ съ высоты и разбился. Я по дѣламъ поѣхала въ Екатеринославъ, и тамъ отдала его починить и, кромѣ того, заказала сдѣлать еще другой, точно такой же, для того, чтобы если разобьется одинъ, то его можно будетъ тогда замѣнить другимъ... Дней черезъ пять, вернувшись домой, мучимая любопытствомъ, я начала тѣ же опыты, но, къ моему удивленію и разочарованію, ни старый починенный столикъ, ни новый, не двигались съ мѣста, не издавали ни малѣйшихъ стуковъ и на всѣ наши вопросы не отвѣчали намъ, не смотря на всѣ наши старанія и просьбы; такъ продолжалось нѣсколько дней сряду.

Затѣмъ 21-го и 22-го ноября произошли слѣдующія явленія: новый столикъ сталъ, наконецъ, давать стуками отвѣты на наши вопросы, попросилъ на этотъ разъ закрыть ставни оконъ и вынести лампу въ сосѣднюю комнату, такъ чтобы въ той, гдѣ мы находились, было темно. При отсутствіи свѣта явленія бываютъ гораздо сильнѣе, хотя они часто бываютъ *при свѣтѣ* свѣчей или лампъ, а иногда даже и *при яркомъ свѣтѣ солнца*, но гораздо рѣже. На вновь предложенный мною все тотъ же вопросъ, по поводу постоянныхъ моихъ сомнѣній относительно благополучнаго исхода для меня начатаго мною, по его желанію, дѣла покровскихъ крестьянъ, получился слѣдующій отвѣтъ: «Что-же я у васъ долженъ быть вѣчно какимъ-то волшебникомъ и предсказателемъ; я уже много разъ говорилъ вамъ, что дѣло это окончится для васъ *блестящимъ образомъ*. Мнѣ скучно слышать

одни и тѣ же вопросы, я хочу веселиться, спойте мнѣ какой-нибудь вальсъ, откройте ставни оконъ». И когда я стала напѣвать вальсъ, столикъ, поднявшись высоко на воздухъ, въ тактъ напѣву сталъ покачиваться въ разныя стороны и по временамъ, легко опускаясь на полъ, вновь подымался на воздухъ, то выше, то ниже, и все время въ тактъ напѣву. Дѣвушка, вмѣстѣ со мною державшая свои руки поверхъ этого столика, испуганно отняла одну изъ своихъ рукъ и стала крестить столикъ и читать молитвы; но это нисколько не подѣйствовало и нашъ расходившійся столикъ не унимался.

Потомъ (выстукиваніемъ буквъ) духъ сталъ просить насъ, чтобы мы ему что-нибудь еще спѣли и когда мы исполнили и это его желаніе, то онъ, повидимому, остался очень доволенъ, и на мои слова — «я вамъ пою, а вы, если мои пѣсни вамъ понравятся, поднимайтесь на воздухъ и летайте, и чѣмъ выше вы будете подниматься на воздухъ, тѣмъ, значитъ, вамъ больше нравится то, что я пою. И тогда столикъ сталъ послѣ нѣкоторыхъ словъ пѣсенъ подниматься то выше на воздухъ, то ниже, какъ бы желая этимъ оттѣнить степень того удовольствія, которое ему доставляли нѣкоторыя слова пропѣтыхъ мною пѣсенъ. Руки наши все время лежали поверхъ столика, на самой его срединѣ, сначала одна на другую положенныя руки дѣвушки, а потомъ обѣ мои руки лежали *поверхъ ея рукъ и крѣпко ихъ держали*; всякое движеніе могло нами контролироваться. Обманъ былъ невозможенъ, тѣмъ болѣе, что ставни мы открыли и свѣтъ луны освѣщалъ то мѣсто, гдѣ мы сидѣли, и мы видѣли при этомъ лунномъ свѣтѣ и другъ друга и наши

руки, спокойно лежавшія на столикѣ, и всѣ наши движенія, и полеты столика, столько разъ поднимавшагося на воздухъ. Послѣ этого духъ попросилъ насъ спѣть «Боже Царя Храни» и тогда удивленію нашему не было предѣловъ. При нѣкоторыхъ словахъ этого гимна духъ (или столикъ) нашъ, какъ истый патріотъ, желая показать, что они ему нравятся, высоко поднимался на воздухъ, сильно ударялъ ножками объ полъ, повторяя это по нѣсколько разъ и всегда очень кстати. Онъ дѣлалъ это и при пѣніи пѣсенъ, и при декламированіи стихотвореній, которыя *выбиралъ самъ*. Выбираемыя имъ пѣсни и стихотворенія *всегда грустныя, печальныя или очень подходящія къ его прошлой земной жизни.*

Затѣмъ наши занятія спиритизмомъ на время прекратились, по случаю моего отъѣзда въ Петербургъ, гдѣ я обыкновенно провожу всю зиму.

6-го марта 1895 г., вечеромъ, сеансъ былъ особенно удаченъ и продолжался долѣе обыкновеннаго. Духъ А. Н. Поля (по крайней мѣрѣ, онъ самъ такъ называлъ себя) явился къ намъ и далъ мнѣ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ относительно моего дѣла, сказавъ, между прочимъ, чтобы я своему адвокату П.... не давала бы впередъ денегъ, что онъ намѣревается поступить со мною недобросовѣстно, и сказалъ еще, чтобы я пока не обнаруживала своего недовѣрія и не ссорилась съ нимъ, такъ какъ онъ можетъ мнѣ много повредить въ моемъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, этимъ совѣтамъ я не послѣдовала, заплатила адвокату деньги впередъ; онъ поступилъ со мной недобросовѣстно: не выполнилъ въ точности всѣхъ принятыхъ на себя

обязательствъ и деньги мои пропали. Потомъ духъ этотъ сталъ вновь убѣдительно просить меня, чтобы я поспѣшила сдѣлать фотографическіе снимки съ нѣкоторыхъ происходившихъ за послѣднее время на сеансахъ явленій, назвалъ мнѣ сперва фамилію одного екатеринославскаго фотографа (*Иванова*, котораго я не знала), а послѣ сказалъ, чтобы мы снялись у кого сами пожелаемъ. Затѣмъ еще посовѣтывалъ, чтобы я снялась въ черномъ суконномъ платьѣ (я носила трауръ по Государѣ Императорѣ Александрѣ III-мъ) и почему-то въ шляпѣ, съ длинной крепововой вуалью, и когда я возразила ему, что всѣмъ покажется смѣшнымъ и страннымъ, что, изображая вечерніе сеансы, мы сняты въ шляпкахъ, то онъ началъ сердиться, сильно стуча объ полъ ножками столика, и продолжалъ настаивать на своемъ требованіи. Когда же, не желая ему болѣе противорѣчить, я на все это согласилась, то онъ тотчасъ же успокоился и сталъ учить насъ, какъ лучше сняться, какъ сидя, такъ и стоя, и сперва просилъ изобразить его летающимъ и высоковисящимъ на воздухѣ, а затѣмъ также поднявшимся на воздухъ и держащимся въ горизонтальномъ положеніи (онъ часто такъ становился и мы сняли его и такъ), и сказалъ, что если мы исполнимъ это его желаніе, то онъ будетъ несказанно счастливъ, что онъ очень желаетъ, чтобы всѣ узнали о томъ, что происходитъ у насъ теперь, такъ какъ если люди повѣрятъ всему этому, то тогда и тяжело больнымъ и умирающимъ будетъ не такъ страшно умирать и не такъ мучительно страдать, разставаясь съ жизнью. Когда же я сказала, что постараюсь исполнить все, что онъ требуетъ, то онъ, какъ бы желая выразить

свою радость, нѣсколько разъ высоко подымался на воздухъ и каждый разъ при поднятіи своемъ онъ впродолженіе нѣсколькихъ секундъ оставался висящимъ на воздухѣ (мы, держа руки на столешницѣ, *еле касались до нея кончиками пальцевъ).* Но что насъ еще болѣе поразило, это то, что, снова поднявшись на воздухъ болѣе аршина отъ полу, онъ, плавно подвигаясь впередъ и ведя насъ за собою, такъ какъ рукъ нашихъ съ него снять было нельзя и, словно плывя, тихо, такимъ образомъ, по воздуху, онъ долетѣлъ до противоположнаго угла комнаты (все время держась на аршинной почти высотѣ отъ полу) и, остановившись передъ стоящимъ образнымъ шкафомъ, *упалъ передъ нимъ* (т. е., передъ образами), *какъ бы падая ницъ и нѣсколько разъ, такимъ образомъ, поклонился имъ*, касаясь краемъ верхней своей части пола *и затѣмъ вновь двигаясь такимъ же образомъ* (какъ бы *плывя по воздуху), возвратился на свое прежнее мѣсто*, также ведя насъ за собою, такъ какъ мы руки съ него не снимали во время его полета, и когда мы, пораженныя всѣмъ видѣннымъ и недоумѣвая, какъ понять это, спросили его,что это значитъ, то отвѣтъ получился слѣдующій: «Поклянитесь мнѣ, что вы исполните всѣ данныя мнѣ обѣщанія, а также въ назначенный мною день снимите и обѣщанныя фотографіи». Сказавъ это, столикъ сталъ вновь кланяться и мнѣ въ ноги, припадая къ нимъ. Пораженная удивленіемъ, съ чувствомъ глубокой жалости въ душѣ, я поклялась духу умершаго А. Н. Поля, что я во всемъ исполню его волю, и сказала, что я не стою того, чтобы онъ такой, сравнительно со мною, великій и чудный, кланялся мнѣ въ ноги (онъ былъ рѣдкой, замѣчательной личностью, но подъ конецъ жизни и онъ не устоялъ передъ соблазномъ и въ милліонныхъ дѣлахъ обманулъ многихъ крестьянъ, въ томъ числѣ и Покровскихъ); что я этимъ пристыжена; что если онъ былъ грѣшенъ, то, вѣдь, всѣ же люди грѣшны, онъ же, сдѣлавшій столько пользы и добра и такъ много страдавшій (я хорошо знала его жизнь), непремѣнно долженъ заслужить прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ; что я, исполняя его волю, *постараюсь загладить часть его дурныхъ дѣлъ*, совершенныхъ имъ при жизни, и что я сдѣлаю для этого все, что будетъ въ моихъ силахъ... Онъ же, (т. е., столикъ), пока я говорила все это, прижимаясь къ моей лѣвой рукѣ (немного выше локтя) и иногда отпадая отъ нея, легко и высоко поднимался на воздухъ и потомъ снова припадалъ къ моей рукѣ и плечу, точно желая показать мнѣ, что то, что я говорю, ему пріятно, и затѣмъ поднявшись нѣсколько разъ высоко на воздухъ, полетѣлъ по направленію къ окну и, долетѣвъ до окна, упалъ, послѣ чего явленій никакихъ въ этотъ вечеръ уже не было, хотя мы еще долго сидѣли и старались ихъ вызвать.

Сеансъ 7-го марта я записываю неохотно, такъ какъ знаю хорошо, что мнѣ не повѣрятъ, станутъ осыпать меня насмѣшками и скажутъ, что я сумашедшая. Но все равно, не испугаюсь и храбро буду продолжать описывать истинную правду. Итакъ, 7-го марта, вечеромъ, я опять спросила духа. Являлся къ намъ все это время А.Н. Поль, а иногда его сынъ, въ тотъ же годъ умершій. Когда являлся сынъ Поля, то сеансъ былъ всегда неудаченъ и мы его прекращали, снимая руки со стола. Являясь, духъ почти всегда говорилъ *кто онъ*, да и по словамъ

и другимъ проявленіямъ мы сами узнавали, кто именно изъ знакомыхъ намъ «духовъ» пришелъ. Теперь былъ съ нами А. Н. Поль, и мы спросили его. «Ну, скажите намъ что нибудь?» Тотчасъ же послѣдовалъ отвѣтъ: «Милая, дорогая моя Елена (меня зовутъ Еленой). Ты истратишь 10 рублей, но зато какое ты мнѣ доставишь удовольствіе» (очевидно онъ говорилъ о томъ, что будутъ стоить фотографіи). На это я отвѣчала, что не только десяти рублей не пожалѣю для него, но не пожалѣю и десятковъ тысячъ. Тогда столикъ, поднявшись на воздухъ, въ уровень съ моимъ лицомъ, верхнимъ краемъ своимъ тихонько и нѣсколько разъ къ ряду дотронулся до моихъ губъ, до глазъ и потомъ до лба, какъ бы цѣлуя меня.

Такъ какъ сеансъ нѣсколько разъ прерывался людьми, входившими въ сосѣднюю комнату за различными приказаніями (всѣ дѣла дома я веду сама), то послѣ ихъ ухода сеансъ нашъ снова возобновился и духъ А. Н. Поля продолжалъ учить насъ, какъ сняться, обсуждалъ всѣ детали и интересовался всѣмъ этимъ, точно онъ былъ живымъ человѣкомъ. Послѣ того, наклоняясь поочередно къ намъ и прикасаясь верхнимъ краемъ столешницы къ нашимъ колѣнамъ (это всегда означало, что духъ, уходя, прощается съ нами), столикъ поднялся высоко на воздухъ и, летя по воздуху, поднялся по направленію къ окну и, долетѣвъ до него, упалъ на полъ. Послѣ того въ этотъ вечеръ ничего интереснаго не произошло.

9-го марта. Кромѣ всѣхъ вышеописанныхъ явленій, произошло еще одно новое. Я сказала духу А. Н. Поля, (онъ снова явился): «Ты научилъ насъ, какъ сниматься у фотографа, не можешь ли ты придумать еще что-ни-

будь такое, чтобы удивить всѣхъ насъ еще болѣе». Въ отвѣтъ на это столикъ сначала очень высоко поднялся на воздухъ и затѣмъ, перевернувшись ножками вверхъ и вырвавшись изъ-подъ нашихъ рукъ, *одинъ самостоятельно* началъ подниматься все выше и выше и съ большой стремительностью и силою ударялся о потолокъ (комната вышиною болѣе 4-хъ аршинъ). Затѣмъ, спустившись на полъ, повторилъ свой полетъ вверхъ во второй разъ и, зацѣпившись ножками за клеенку, которой (какъ это дѣлается въ вагонахъ) былъ обтянутъ подъ цвѣтъ обоевъ весь потолокъ этой комнаты, сорвалъ ея въ нѣсколькихъ мѣстахъ и она, изорванная повисла кусками. Затѣмъ столикъ, падая внизъ, съ такою силой ударился объ полъ, что сломался на нѣсколько частей. На этотъ разъ мы испугались, позвали людей, которые съ удивленіемъ смотрѣли на клеенку, изорванную въ куски и висѣвшую лохмотьями. Это могутъ удостовѣрить люди, служившіе у меня тогда, изъ которыхъ нѣкоторые живутъ въ моемъ имѣніи и до сихъ поръ.

11-го марта мы уѣхали въ Екатеринославъ, а 13-го сняли просимыя духомъ А. Н. Поля фотографіи у фотографа *Мацкевича*. Изъ этихъ фотографій немногіе экземпляры остались у меня, а остальные разосланы лицамъ, интересующимся спиритизмомъ, между прочимъ, и извѣстному спириту Александру Николаевичу Аксакову, *съ тѣхъ поръ ведущему со мною постоянную переписку* и признавшему во мнѣ медіумическую силу.

24-го августа, въ $8^1/_2$ часовъ вечера мы устроили *спиритическій сеансъ*, въ другой комнатѣ, съ тремя

дверями, которыя мы всѣ заперли, и однимъ окномъ, ставни котораго закрыли, заперевъ ихъ на крючекъ; лампу вынесли въ сосѣднюю комнату. Сѣвъ вокругъ нашего маленькаго столика, мы положили на него руки такъ, чтобы придерживать въ своихъ рукахъ руки другихъ; такимъ образомъ, ни одно, хотя бы самое малѣйшее движеніе не ускользнуло отъ насъ и мы всегда могли слѣдить другъ за другомъ. По моей просьбѣ столикъ нѣсколько разъ поднимался на воздухъ, то выше, то ниже, *то на воздухѣ же становился горизонтально*, то перевертывался вверхъ ножками и все это время мы не снимали съ него рукъ. Тогда обратившись къ духу (такъ какъ, по всѣмъ этимъ признакамъ, угадывалось его присутствіе), я сказала: «Прошу тебя, сдѣлай для насъ *сегодня* что нибудь новое (день этотъ былъ тотъ, въ которой А. Н. Поль 22 года назадъ совершилъ контрактъ съ покровскими крестьянами на отдачу ему ихъ рудъ), а то ужъ надоѣло все одно и то же». Въ комнатѣ, довольно большой, въ противоположныхъ углахъ стояли столы: одинъ большой, круглый, обѣденный, другой также большой, письменный. На обѣденномъ столѣ въ то время лежали салфетки, стояла посуда и покупки, привезенныя изъ города: шеколадъ, свѣчи и, между прочимъ, два большихъ арбуза. На письменномъ столѣ лежали вещи, между которыми большой бѣлый фарфоровый абажуръ, только что снятый съ лампы вынесенной въ сосѣднюю комнату. Въ этой комнатѣ стояла кровать, на которой лежали три большихъ подушки. На окнѣ, въ *закрытой картонкѣ* лежала шляпа и вуали. За нашимъ маленькимъ столикомъ сидѣло насъ трое и

я, шутя, обращаясь къ духу, продолжала: «Я знаю и читала, что во время спиритическихъ сеансовъ иногда прилетаютъ разные предметы. Сдѣлай и ты, чтобы и у насъ произошло что нибудь подобное. Пусть съ обѣденнаго стола прилетитъ къ намъ арбузъ». Отвѣта не послѣдовало. Столикъ не двигался даже, и мы думали, что просьба наша не будетъ исполнена, но спустя нѣсколько секундъ, около насъ раздался какой-то странный глухой стукъ и что-то тяжелое упало къ нашимъ ногамъ. Не зная, что именно упало, и полагая, что это случайность, мы принесли лампу, и очень удивились, увидѣвъ, что упавшее *былъ арбузъ*, о которомъ мы, шутя, только что говорили. *Не вѣря*, что это исполнилось, мы положили вновь арбузъ на прежнее мѣсто, т. е., на обѣденный столъ и сказали: «Духъ, если это *ты* его къ намъ бросилъ, то брось его опять». Когда мы вынесли лампу, заперли двери и вновь сѣли за нашъ столикъ, держа по-прежнему другъ друга за руки, то арбузъ вторично, но уже пролетѣвъ надъ нашими головами, еще съ большей силой, чѣмъ въ первый разъ, ударился объ полъ, у самыхъ нашихъ ногъ. Когда принесли лампу, мы увидѣли арбузъ расколотымъ на двѣ равныя половинки и весь полъ около насъ залитымъ вытекшей изъ него жидкостью и сѣмечками. Тоже явленіе въ этотъ вечеръ повторилось нѣсколько разъ и цѣлый арбузъ и разбитыя части его подлетали къ намъ и, падая то на наши руки, то на платья, то на полъ, обдавали насъ брызгами.

Галлюцинаціи никакой быть не могло и участвовавшихъ было трое. Съ непривычки къ такимъ явленіямъ

невольный страхъ овладѣлъ нами, но любопытство превозмогло страхъ и мы, ободряя другъ друга, стали продолжать интересные опыты. Затѣмъ на насъ поочередно полетѣли подушки съ кровати, шелковые платки; бѣлье, лежавшее тутъ же въ комнатѣ, *по нашему желанію*, подлетало къ намъ и ложилось на наши руки и колѣни; затѣмъ, прилетѣвъ со стола, падали на наши руки плитки шеколада, свѣчи (нѣсколько фунтовъ въ оберткахъ) и другіе предметы, и все это *падало не ломаясь и не разбиваясь*. Послѣ каждаго новаго летанія и паденія предметовъ мы отпирали дверь, вносили лампу, осматривали все и затѣмъ вновь уносили лампу и запирали двери. Намъ казалось, что если мы не запремъ дверей, то изъ за нихъ, явится къ намъ что нибудь таинственное и ужасное... Нервы наши были натянуты и съ каждымъ новымъ *необъяснимымъ явленіемъ ужасъ нашъ возрасталъ*. Сознаюсь откровенно, что я шепотомъ читала молитву: «Да воскреснетъ Богъ», хотя мнѣ совѣстно теперь въ этомъ сознаться. *Но явленія не прекращались*. Вдругъ одна изъ присутствующихъ громко вскрикнула и поднялась съ мѣста; вслѣдъ за этимъ я почувствовала на своемъ лицѣ *холодное прикосновеніе чего-то*, а другая дѣвушка, закричавъ: «Господи, что это такое», побѣжала отпирать двери, чтобы принести лампу. Мы въ страхѣ боялись взглянуть на чудовище, пугавшее насъ своимъ холоднымъ прикосновеніемъ, но оказалось, что это было не чудовище, а *большая, мокрая губка, до этого лежавшая въ лоханкѣ въ сосѣдней запертой комнатѣ*. Какъ могла она пройти къ намъ *черезъ стѣнку или запертую дверь*, конечно, не могу

объяснить. Послѣ этого изъ той же *запертой* комнаты прилетѣла моя черная шелковая, отдѣланная кружевами юбка и легла на мои колѣни. Затѣмъ произошло нѣчто еще болѣе поразительное. Что-то, пролетѣвъ тихо надъ нашими головами и задѣвъ меня по лицу, упало безъ шума на полъ. Освѣтивъ комнату, мы къ великому своему изумленію увидѣли, что то была моя шляпка, которая вмѣстѣ съ вуалями лежала около моихъ ногъ, на полу. *Картонка же*, въ которой она *лежала до этого, оказалась по прежнему закрытой крышкой* и на прежнемъ мѣстѣ, на окнѣ, къ которому никто изъ насъ не подходилъ. Какъ могла шляпка вылетѣть изъ картонки, не поднявъ съ нея крышки, — *непонятно*. Я только все время просила духа дѣлать все осторожно, чтобы намъ не причинить вреда и не бить вещей. Въ этой и сосѣднихъ комнатахъ было много посуды, разныхъ хрупкихъ вещей и нѣсколько стклянокъ съ лекарствами, только что присланныхъ ветеринаромъ изъ Кривого-Рога для моей лошади, заболѣвшей сибирской язвой. Кромѣ того, тутъ были большіе куски желѣзной руды, револьверъ, и мнѣ страшно было думать, что всѣ эти предметы могутъ полетѣть намъ въ голову... Вдругъ опять что-то тихо и странно зашелестило и остановилось, какъ бы на воздухѣ, не падая ни на столикъ, ни на полъ; принесли лампу и удивленію нашему не было предѣловъ: большой, бѣлый фарфоровый абажуръ (о которомъ говорено было выше), не разбившись, пролетѣлъ къ намъ съ письменнаго стола (нѣсколько аршинъ), и оказался надѣтымъ на голову одной изъ присутствующихъ. Она, не смѣя двинуться, сидѣла блѣдная отъ

страха и спрашивала насъ, что у нея на головѣ. Абажуръ мы съ ея головы сняли и онъ оказался цѣлымъ и невреимымъ. Черезъ нѣсколько минутъ, когда вновь водворилась темнота и тишина, этой же дѣвушкѣ кто-то вложилъ въ руки зонтикъ. Подушки съ кровати поднимались сами и поочередно ложились къ намъ на головы *и затѣмъ опять возвращались на прежнее мѣсто.* Затѣмъ нашъ столикъ, вырвавшись изъ-подъ нашихъ рукъ и поднявшись на воздухъ *самостоятельно*, полетѣлъ по направленію къ двери. Мы боясь, чтобы онъ, упавъ съ высоты, не ударился о наши головы, отошли прочь и сеансъ прекратился...

Все, здѣсь описанное, *истинная правда*, подтвердить которую могутъ всѣ участвовавшіе въ сеансѣ.

Всю эту ночь я провела безъ сна и думала о томъ, что произошло 24-го вечеромъ и вчера 25-го августа. *Хотя я заранѣе предвижу, что очень многіе не повѣрятъ тому, что я буду описывать теперь*, но буду продолжать такъ, какъ дѣйствительно было. Сначала нашему сеансу помѣшали пришедшіе по дѣламъ крестьяне, и продолжительная бесѣда съ ними меня очень утомила, такъ что мнѣ было уже не до сеанса; но мои сотоварищи, сильно заинтересованные всѣми явленіями, происходившими наканунѣ, стали упрашивать меня, чтобы я, хотя на нѣсколько минутъ, пришла бы къ нимъ помочь имъ устроить сеансъ, который безъ меня не удавался. Двери въ столовой заперли, ставни закрыли, свѣчи и лампу вынесли; темнота и тишина были полныя. Сердце мое сильно билось отъ ожиданія и страха. Столикъ долго

оставался неподвиженъ и на всѣ наши вопросы не отвѣчалъ совсѣмъ. Потерявъ терпѣніе, мы уже хотѣли расходиться, какъ вдругъ, сильно наклонившись въ мою сторону, столикъ началъ какъ бы дрожать, затѣмъ на мою просьбу сыграть что-нибудь на приготовленной заранѣе гармоніи онъ отвѣчалъ отказомъ... Черезъ минуту, однако, гармонія, лежавшая на другомъ столѣ, довольно далеко отъ насъ, *тихонько заигравъ, поднялась на воздухъ и, полетѣвъ, упала на полъ* въ противоположный уголъ, послѣ чего замолка. Страхъ напалъ на насъ и мы боялись шевельнуться. Мы сидѣли вокругъ столика, попрежнему крѣпко держа другъ друга за руки; никто не только не вставалъ, но даже не смѣлъ двинуться съ мѣста; тогда что то, какъ и наканунѣ, зашелестивъ въ воздухѣ и остановившись надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ я сидѣла, опустилось, какъ бы надѣлось мнѣ на голову; я дотронулась до головы рукой и велѣла внести лампу. Къ всеобщему удивленію мнѣ была надѣта кѣмъ-то шляпа, находившаяся въ запертой сосѣдней комнатѣ. Мы вошли въ эту комнату и увидѣли, что такъ же, какъ и наканунѣ, *картонка, изъ которой была взята эта шляпа, опять была плотно закрыта крышкой.* Какимъ же образомъ можно было перенести оттуда шляпу черезъ запертую дверь и стѣну и надѣть ее мнѣ на голову!?.. Черезъ нѣсколько минутъ послышался довольно большой шумъ и половина арбуза, разломившагося наканунѣ при паденіи, слегка задѣвъ меня за шею и голову, упала къ нашимъ ногамъ. Затѣмъ мы услыхали легкій шелестъ, и каждая изъ насъ вскрикнула, почувствовавъ на своей головѣ и лицѣ прикосно-

веніе чего-то страннаго, вскорѣ послѣ этого также упавшаго на полъ. Это была свѣжая, еще зеленая, дубовая вѣтка, наканунѣ нами сорванная въ лѣсу; и на мою просьбу, чтобы она вновь прикоснулась ко мнѣ, поднялась съ кровати большая подушка и легла поверхъ нашихъ рукъ, на нашъ маленькій столикъ; секунду спустя, та же дубовая вѣтка, *облетѣвъ кругомъ насъ*, вновь легла на столъ, поверхъ все еще лежащей подушки. Послѣ каждаго явленія вносилась лампа. Затѣмъ съ плечъ одной изъ присутствующихъ былъ снятъ платокъ и надѣтъ невидимыми руками на голову другой. Послѣ этого столикъ, сильно толкнувшись о мои колѣни, рванулся къ двери; мы, не снимая положенныхъ на него рукъ, пошли за нимъ, а онъ, дойдя до дверей, поднялся на воздухъ, гдѣ, пробывъ около секунды, сорвался и упалъ на полъ.

Больше въ этотъ вечеръ ничего интереснаго не было. Все происшедшее 25-го августа также можетъ быть подтверждено тремя очевидцами-свидѣтелями.

Вчера 26-го августа, вечеромъ произошли слѣдующія явленія: когда мы сѣли вокругъ нашего маленькаго столика, взялись за руки, *крѣпко придерживая въ своихъ рукахъ руки товарищей*, заперевъ предварительно всѣ двери и вынесши лампу въ сосѣднюю комнату, то черезъ нѣсколько минутъ что-то довольно тяжелое легло на мою голову. Тотчасъ же внесли лампу. Всѣ удивились и засмѣялись. На мою голову была надѣта большая кастрюля, съ длинной ручкой, которой до этого въ нашей комнатѣ не было. Вслѣдъ за этимъ, когда я ее сняла съ головы,

откуда-то прилетѣла мѣдная крышка съ другой кастрюли и также надѣлась мнѣ на голову. Послѣ каждаго новаго явленія, одну изъ дверей отпирали, другія всѣ оставались запертыми и въ комнату вносили лампу. Когда лампу вынесли и двери вновь заперли, мы всѣ почувствовали поочередно, что что-то легко, по нѣсколько разъ, щелкаетъ насъ, по лбу и это что-то стукнуло, упавъ на полъ. Когда освѣтили комнату, то оказалось, что это была круглая деревянная раскрашенная ложка. Всѣ эти три предмета, очевидно, прилетѣли къ намъ изъ кухни, гдѣ они находились, а ложкой этой, по увѣренію прислуги, въ тотъ вечеръ кухарка ужинала. Узнавъ о случившемся, кухарка, приведенная въ недоумѣніе и ужасъ, собрала немедленно всѣ кастрюли, поставила ихъ передъ собою и въ каждую положила тяжелые камни, говоря: «Ну, ужъ теперь-то онѣ у меня не улетятъ!»... Затѣмъ въ углу нашей комнаты раздался стукъ, повторившійся много разъ, какъ будто кто-то шелъ къ намъ изъ противоположнаго угла, равномѣрно постукивая палочкой и что-то, приблизившись къ намъ, легло поперекъ нашего столика. Предметъ этотъ, шедшій постукивая и легшій на нашъ столикъ, оказался зонтикомъ съ очень длинной ручкой. Послѣ этого со стола, стоявшаго далеко отъ насъ, на мои руки упалъ бронзовый подсвѣчникъ, изъ котораго кто-то вынулъ свѣчу, бросивъ и ее къ моимъ ногамъ. Повторяю, что во все время *мы всѣ не снимали рукъ со столика*, *крѣпко держа другъ друга за руки во время* всѣхъ этихъ явленій и снимали ихъ только тогда, когда дверь въ сосѣднюю комнату отпирали и оттуда къ намъ вносили лампу, и никто во

время этихъ явленій не двигался съ мѣста и *мы крайне внимательно слѣдили другъ за другомъ, чтобы не допустить* обмана *или шутокъ*. Затѣмъ что-то, зашелестивъ, легко задѣло меня за лицо; то была опять та же небольшая зеленая дубовая вѣтка, которая послѣ этого вновь легла на мои руки. Послѣ этого висѣвшая на стѣнѣ картина (въ золоченой рамѣ, длиною около 8-ми вершковъ), снявшись со стѣны и долетѣвъ до насъ, легла на голову одной изъ присутствовавшихъ, а по моему желанію, высказанному вслухъ, съ той же стѣны, гдѣ висѣла эта картина, снялся висѣвшій на золотомъ шнуркѣ крестикъ (орденъ съ котильона) *и надѣлся на шею одной изъ присутствующихъ, какъ бы исполняя мою просьбу*. Послѣ этого, самый большой столъ (обѣденный, круглый), стоявшій до этого у противоположной стѣны комнаты, гдѣ онъ всегда находился, съ громкимъ стукомъ и трескомъ, сталъ быстро подвигаться къ намъ и, подойдя такимъ образомъ очень близко, остановился, и мы услышали, что на этомъ столѣ что-то передвигается и съ него что-то было поставлено на мои руки, лежавшія поверхъ нашего столика. Оказалось, что, поднявшись съ обѣденнаго стола, на мои руки легло большое, овальное, фаянсовое блюдо, на которомъ былъ черный хлѣбъ, покрытый вышитымъ полотенцемъ. Черезъ нѣсколько секундъ съ потолка, изъ дальняго угла нашей комнаты, раздался оглушительный стукъ, повторившійся два раза, и вслѣдъ за этимъ что-то мягкое хлестнуло меня по лицу, а затѣмъ меня чѣмъ-то большимъ, какъ бы покрываломъ окутало всю съ головой. Я очень испугалась, но при повѣркѣ оказалось, что это

какой-то невидимой силой была сорвана отъ потолка длинная ситцевая занавѣсь, висѣвшая поперекъ комнаты, которая, упавъ съ него, окутала меня всю. Затѣмъ, когда сильно испуганная всѣми этими *небывалыми доселѣ явленіями* и боясь какой-нибудь бѣды, стала просить не дѣлать намъ зла и вреда, а лучше сдѣлать насъ счастливыми, и сказала: «Сдѣлай насъ счастливыми, если можешь, тогда мы будемъ любить тебя и всѣ три будемъ молиться за тебя Богу. Если ты обѣщаешь намъ сдѣлать то, о чемъ мы тебя просимъ, то вновь принеси намъ откуда-нибудь зеленую дубовую вѣтку и положи ее на наши руки». Не прошло и нѣсколькихъ секундъ, *какъ, шелестя, опустилась на мои руки* просимая нами *зеленая дубовая вѣтка*, а на стеблѣ ея висѣла, перекинутая черезъ него, длинная коричневая газовая вуаль, *бывшая до этого въ моемъ сундукѣ*. Какъ попала она *изъ закрытаго сундука* на эту вѣтку, непонятно!.. (Всѣ эти вѣтки, а также и тѣ, которыя прилетали къ намъ послѣ, хранятся у меня). Вскорѣ послѣ этого я почувствовала, будто-бы чья-то рука съ необычайной силой *потянула меня за низъ платья*, что раньше продѣлывалось и съ другими участниками сеанса. *При семъ заявляю, что до начатія сеанса и послѣ него мы тщательно осматривали комнату и, кромѣ насъ, въ ней не было никого.* На мнѣ былъ надѣтъ капотъ и боясь, чтобы онъ не былъ изорванъ тѣмъ, кто такъ сильно тянулъ его, я стала скорѣе сама разстегивать пуговицы и снимать рукава, чтобы платье легче снялось, но при этомъ испуганная и недовольная, я сказала: «Ну, какъ тебѣ не стыдно снимать съ меня платье, въ этомъ нѣтъ

ничего хорошаго, брось такія шутки». *И въ ту-же минуту меня оставили въ покоѣ.* Тутъ пришли по дѣламъ крестьяне; меня позвали къ нимъ, и когда они ушли, то мы уже сеанса не возобновляли, такъ какъ было около одиннадцати часовъ вечера.

На другое утро, которое я никогда не забуду (воскресенье 27-го августа), мнѣ опять много пришлось хлопотать по разнымъ дѣламъ, больше по хозяйству; затѣмъ, чтобы не забыть всего происходившаго вчера на сеансѣ, я сѣла и стала описывать явленія предшествовавшаго вечера. Написавъ нѣсколько страницъ, я почувствовала утомленіе, и на нѣсколько минутъ прилегла отдохнуть на диванъ. Теперь я была въ кабинетѣ, комнатѣ, находившейся рядомъ съ той столовой, гдѣ мы наканунѣ были очевидцами всѣхъ описанныхъ явленій. Въ углу кабинета (онъ же иногда служилъ мнѣ и спальней), гдѣ я находилась теперь, около дверей (близъ письменнаго стола, на которомъ я только что писала) въ углу стоялъ большой, полный старинныхъ иконъ, образной шкафъ. Напротивъ письменнаго стола, у стѣны, стоялъ турецкій диванъ, на которомъ я лежала, а противъ дверей (единственныхъ въ этой комнатѣ) было окно, форточка котораго была открыта. Окно это довольно высоко отъ земли, рамы въ немъ были двойныя (и лѣтомъ не вынимаются), форточка была въ верхней части окна и такъ высоко, *что извнѣ* (т. е., со двора) *нельзя было никому достать до нея.* Въ эту минуту въ комнатѣ, кромѣ меня, никого не было. Мысли мои невольно переносились къ необычайнымъ явленіямъ предшествовавшаго вечера. Я была почти

счастлива тѣмъ, что и мнѣ самой пришлось вызвать и быть свидѣтельницей явленій, о которыхъ я много читала *и которыя всетаки казались мнѣ* невѣроятными и невозможными. Только я сильно жалѣла о томъ, что никто, даже изъ моихъ друзей и хорошихъ знакомыхъ, не повѣритъ мнѣ, когда я буду передавать имъ о происходившихъ въ моемъ домѣ необычайныхъ явленіяхъ. Вдругъ мысли мои были прерваны глухимъ стукомъ и неизвѣстно откуда большой арбузъ, лежавшій, какъ потомъ оказалось, въ буфетномъ шкафу, въ прихожей, упалъ недалеко отъ меня на полъ, передъ самымъ образнымъ шкафомъ; *это было въ одиннадцать часовъ утра, солнце ярко освѣщало комнату и я не спала.* Я очень удивилась, такъ какъ сеанса никакого не было и, наконецъ, *днемъ при мнѣ одной я считала такое явленіе невозможнымъ.* Черезъ нѣсколько времени пришли обѣ дѣвушки; одна уходила въ другой домъ, а другая была въ кухнѣ; значитъ, до ихъ прихода, во всемъ домѣ, кромѣ меня, не было никого. Узнавъ о случившемся, онѣ удивились, подняли съ полу арбузъ и отнесли его въ прихожую и положили въ буфетный шкафъ. Не прошло и минуты, какъ опять стукъ, и тотъ же арбузъ снова падаетъ передо мною и, разбившись, заливаетъ полъ своей жидкостью и сѣмечками. Не успѣли всего прибрать и вытереть полъ, какъ снова откуда-то, точно съ потолка, летятъ подъ мой письменный столъ сливы, теренъ и затѣмъ груши. Груши, сливы и теренъ были *заперты въ сосѣдней комнатѣ* и туда въ то время никто не входилъ. Тогда мы всѣ сѣли и стали ждать, что будетъ дальше. Вдругъ большой круг-

лый хлѣбъ, бывшій раньше въ буфетномъ шкафу, пролетѣвъ черезъ двѣ комнаты, легъ среди обѣденнаго стола; затѣмъ, жившій въ домѣ маленькій голубь (горлица), находившійся всегда на противоположной сторонѣ дома, въ затворенной комнатѣ *и никогда къ намъ раньше не прилетавшій*, откуда-то, явившись къ намъ [1]), сѣлъ передъ тѣмъ же образнымъ шкафомъ и почти на то же самое мѣсто, куда до этого въ первый разъ упалъ арбузъ. Тогда, думая, что это продѣлки духа, я сказала: «Если голубь этотъ опять вернется къ намъ (его отнесли въ ту комнату, гдѣ онъ всегда жилъ, и плотно затворили за нимъ двери), то тогда это будетъ означать, что Богъ, въ моемъ дѣлѣ (относительно покровскихъ крестьянъ), пошлетъ мнѣ удачу, и счастье»; и только что я это сказала, откуда ни возьмись, тотъ же голубь опять сѣлъ на порогъ моей комнаты, у самыхъ дверей и опять вблизи образного шкафа, и будучи во второй разъ отнесенъ на свое прежнее мѣсто, голубь этотъ въ третій разъ явился въ столовую и сѣлъ на круглый хлѣбъ, все еще лежавшій среди накрытаго стола [2]). Послѣ этого

[1]) Голубь явился *со сложенными крыльями*, какъ будто его кто-то принесъ, а не самъ онъ прилетѣлъ и все время онъ появлялся со сложенными крыльями.

[2]) Свидѣтельницами этихъ явленій, бывшихъ въ моемъ присутствіи *среди дня*, были двѣ дѣвушки, изъ которыхъ одной семнадцать лѣтъ, она уроженка Пензенской губерніи, зовутъ ее Анной Павловной Корпуновой (живетъ она въ моемъ домѣ уже четыре съ половиною года), а другой двадцать одинъ годъ, зовутъ ее Серафимой Яковлевной Ивановой и она также живетъ у меня около пяти лѣтъ; она также уроженка Пензенской губерніи, Саранскаго уѣзда; обѣ они изъ моего пензенскаго имѣнія.

младшая изъ двухъ дѣвушекъ пошла въ прихожую и громко стала звать насъ туда. Придя къ ней, мы увидѣли, какъ лежавшее на подоконникѣ *ламповое стекло* (днемъ при свѣтѣ солнца), *стало само подниматься на воздухъ*; поднявшись раза три, стекло упало на полъ и разбилось. Тогда старшая дѣвушка побѣжала въ кухню, къ своей матери, сообщить ей *о нашихъ* чудесахъ. Другая дѣвушка и я вернулись въ мой кабинетъ; вдругъ зазвонилъ стоявшій въ прихожей большой колоколъ, раньше служившій для созыва рабочихъ къ обѣду. Колоколъ этотъ, очень тяжелый, *звоня долетѣлъ до порога столовой*, затѣмъ опустился недалеко отъ дверей на полъ и продолжалъ, звоня, *медленно двигаться по направленію къ намъ* и пройдя пространство около двухъ аршинъ, остановился и замолкъ. Тогда позвали людей, которые сказали, что слышали звонъ колокола, и мы передали имъ о случившимся; конечно, большинство *рѣшили, что мы шутимъ и намъ не повѣрили*. Вслѣдъ за этимъ произошло нѣчто еще болѣе удивительное и необычайное. Прошло около часу, я вновь сѣла писать эти замѣтки, ко мнѣ вошла старшая изъ дѣвушекъ и, дойдя до порога моей комнаты (кабинета), вдругъ вскрикнула и молча, въ ужасѣ, стала показывать рукой на открытую форточку (о которой я говорила выше и бывшую какъ разъ *противъ* той двери, въ которую она входила); я тоже взглянула туда. Дѣвушка, закрывъ, вѣроятно отъ страха, лицо руками, прерывающимся голосомъ повторяла: летитъ... смотрите, что-то въ окно летитъ къ намъ. На дворѣ *было тихо, ясно*, солнце ярко свѣтило и *не было ни малѣйшаго вѣтра*,

а между тѣмъ, передъ открытой форточкой, точно силясь пробиться въ нее, что-то подвигаясь со двора трепетало, затѣмъ это что-то, *трепеща все на одномъ и томъ же мѣстѣ* и, наконецъ, пробившись черезъ открытую, но узкую форточку, подлетѣло ко мнѣ и *какъ бы само далось мнѣ въ руки*. Это была свѣжая вѣточка бѣлой акаціи, *которая* среди бѣлаго дня, при свѣтѣ солнца, безъ сеанса *и сидѣній вокругъ столика прилетѣла ко мнѣ*, да еще *при свидѣтеляхъ*. Вѣточка эта теперь, когда я пишу эти строки, стоитъ въ вазочкѣ передъ моими глазами вмѣстѣ съ цвѣтами, о которыхъ сказано будетъ потомъ. Восхищенная всѣмъ этимъ и довольная, главнымъ образомъ, тѣмъ, что все это происходило *днемъ* и безъ всякаго шума и стуковъ, всегда въ темнотѣ наводившихъ на меня неопредолимый ужасъ, я теперь стала смѣла и сказала: сдѣлай, прошу тебя, вотъ что: если ты духъ и ты дѣйствительно можешь, даже и *днемъ*, дѣлать такія чудеса, то принеси мнѣ, изъ лѣсу или изъ саду, два хорошенькихъ цвѣтка и положи ихъ въ эту вазу. Говоря это, я нарочно приготовила вазочку, налила въ нее воды и поставила ее недалеко отъ себя на столъ. Въ этой и сосѣднихъ комнатахъ никого, кромѣ меня и старшей дѣвушки, въ это время не было и, кромѣ насъ двухъ, *никто не могъ знать* о моей просьбѣ принести цвѣты, а между тѣмъ произошло слѣдующее: взглянувъ въ окно, мы увидѣли, что по дорогѣ, ведущей отъ вокзала къ нашему дому, на довольно далекомъ разстояніи, ѣдетъ какой-то экипажъ и мы обѣ, повернувшись спиной къ столу, на которомъ стояла приготовленная мною вазочка для этихъ

цвѣтовъ (серьезно я ихъ и не ждала), стали внимательно смотрѣть въ окно на медленно двигавшійся экипажъ, который, повернувъ не къ намъ, а на другую дорогу, скрылся изъ виду. Пока мы смотрѣли въ окно, пока я говорила о томъ, кто бы это могъ быть и къ кому поѣхалъ, прошло, вѣроятно, болѣе пяти минутъ. Вдругъ, случайно взглянувъ на столъ, я невольно вскрикнула. Въ приготовленной вазочкѣ дѣйствительно и неизвѣстно кѣмъ (ни одна изъ насъ не выходила изъ комнаты и никто къ намъ не входилъ) были вложены два цвѣтка циніи, одинъ розовый, другой ярко-желтый; это были *настоящіе реальные*, *живые цвѣты* и появленіе ихъ по моей просьбѣ, на моемъ столѣ и *въ заранѣе указанной вазочкѣ для меня* совсѣмъ необъяснимо. Не прошло и двухъ минутъ, какъ въ ту же открытую форточку, пробиваясь черезъ нее, влетѣлъ въ мою комнату довольно большой *вѣнокъ* изъ колосьевъ пшеницы и самъ повѣсился на верхній уголъ двери. Дѣвушка вскорѣ послѣ этого ушла, а я, подивившись всему этому, сѣла опять за письменный столъ продолжать эти записки. Было тихо, я сидѣла одна, какъ вдругъ откуда-то, точно съ потолка, рядомъ съ моей тетрадью, упала слива. Пусть читающіе эти строки объясняютъ эти явленія какъ хотятъ. *Я же всегда и всюду готова подтвердить все мною здѣсь написанное и все это подтвердятъ также и очевидцы случившагося 26-го августа.*

Вечеромъ того же дня (27-го августа), мы опять не выдержали и, собравшись всѣ, вновь сѣли въ столовой, устроивъ все какъ было нужно. Заперевъ всѣ двери, я велѣла вынести лампу и, кромѣ того, изъ предосторож-

ности я приказала вынести изъ этой комнаты всѣ лишнія вещи, могущія при летаніи или паденіи причинить намъ вредъ; хотя я и знала теперь, что онѣ и изъ другихъ мѣстъ, черезъ стѣны, черезъ запертыя двери и даже издалека, могли пожаловать къ намъ, но это я продѣлала какъ бы для очищенія совѣсти. Столикъ подъ нашими руками тотчасъ-же сталъ подниматься на воздухъ и, поднявшись снова довольно высоко, заставилъ насъ (такъ какъ рукъ съ него нельзя было снимать), двигаясь за нимъ, идти въ темную прихожую, въ которую выходило 4 двери. Поочередно подводя насъ къ нимъ, столикъ *верхнимъ* своимъ краемъ, ударялся о нихъ, какъ-бы приказывая этимъ намъ плотнѣе притворить ихъ, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ просвѣчивалъ свѣтъ лампъ. Притворивъ двѣ двери, мы ихъ заперли совсѣмъ, а двери въ столовую, гдѣ мы устроили сеансъ и двери изъ прихожей на дворъ, не заперли, думая, спастись черезъ нихъ, если уже очень испугаемся. Было около десяти часовъ вечера; ночь была ясная и лунная; тоска и необъяснимый страхъ давили мнѣ сердце. Можетъ быть, это было потому, что въ этотъ день мною было получено непріятное письмо и нервы мои были черезчуръ разстроены. Продолжая слѣдовать за столикомъ, который черезъ прихожую повелъ насъ обратно, мнѣ показалось, что изъ одной изъ дверей потянулось вслѣдъ за нами что-то длинное бѣловатое. Возвратясь въ нашу комнату, въ то самое время какъ мы переступали порогъ двери, это что-то бѣловатое, опередивъ меня, вошло въ комнату и легло около дверей и вдругъ у нашихъ ногъ изъ этого бѣловатаго послышались громкіе,

струнные звуки гитары (это былъ футляръ гитары, показавшійся мнѣ въ темнотѣ чѣмъ-то страннымъ). Столикъ подъ нашими руками радостно затрепеталъ и запрыгалъ; на гитарѣ заиграло сильнѣе и вдругъ смолкло; въ противоположномъ углу заиграла гармонія (и раньше бывшая въ комнатѣ; гитары же ранѣе не было въ столовой). Продолжая играть, гармонія поднялась на воздухъ, играя все время, приблизилась къ намъ и опустилась у нашихъ ногъ на полъ и ползая по полу, передвигаясь съ одного мѣста на другое, продолжала издавать то быстрые, то протяжные звуки. Комнату освѣтили. Гармонія лежала на полу, а у дверей въ длинномъ *закрытомъ футлярѣ*, лежала гитара, только что игравшая и неизвѣстно кѣмъ принесенная сюда. Гитара эта была чужая и до этого находилась въ другой, только что запертой нами, комнатѣ. Боясь, чтобы гитару не испортили, я велѣла тотчасъ же отнести ее въ комнату ея владѣльца, котораго въ этотъ день не было дома, и вновь запереть въ ней двери. Все было исполнено, гитару унесли, мы опять кругомъ заперлись, вынесли лампу и, взявшись за руки, усѣлись вокругъ нашего столика. Не успѣли мы этого сдѣлать, какъ гитара вновь моментально очутилась возлѣ насъ и чья-то невидимая рука снова начала таинственную музыку. Потомъ кто-то, оставивъ гитару, вновь принялся за гармонію, которая до того приблизилась къ нашимъ лицамъ, что мы ощущали на нихъ холодное дуновеніе отъ мѣховъ гармоніи (немного попорченной). Когда мы во второй разъ отнесли гитару на ея мѣсто (въ другую комнату), то нашъ неугомонный столикъ

сталъ нетерпѣливо постукивать объ полъ и когда мы спросили, что онъ желаетъ, онъ попросилъ насъ пѣть. Всѣми спѣтыми пѣснями остался, повидимому, доволенъ, такъ какъ, точно трепеща, поднимался много разъ на воздухъ и своимъ верхнимъ краемъ поочередно прижимался къ каждой изъ насъ (это всегда означало, что онъ доволенъ и радуется), иногда прижимался къ нашимъ лицамъ, какъ бы желая насъ поцѣловать. Мы начали пѣть снова; въ это время дверь со двора (остававшаяся незапертою) тихонько отворилась, а затѣмъ и нашу дверь отворили и мы услышали, что въ столовую кто-то вошелъ. Не зная, кто именно вошелъ, живой ли человѣкъ или духъ умершаго, мы испугались и побѣжали отворять двери той комнаты, гдѣ горѣла лампа. Когда комната освѣтилась, мы увидѣли, что къ намъ, желая подсмотрѣть, что мы дѣлаемъ, тихонько подкравшись, пришла моя старушка няня вмѣстѣ со своей дочерью, также жившія у меня. Пришедшія стали смѣяться надъ нашими разсказами и не вѣрили намъ. Мы попросили ихъ не уходить и хоть немного побыть съ нами и онѣ остались, но только просили не затворять дверей въ ту комнату, гдѣ горѣла лампа, чтобы и у насъ въ столовой, гдѣ всѣ мы сидѣли, *было бы свѣтло и чтобы мы* не могли въ темнотѣ ихъ обмануть. И въ почти свѣтлой комнатѣ и при нихъ, гармонія поднявшись съ большого стола, на которомъ она лежала, начала снова играть, издавая жалобные звуки. Вновь прибывшія, не вѣря своимъ глазамъ, въ ужасѣ смотрѣли на нее. При нихъ же и при свѣтѣ лампы большой черный обѣденный столъ (круглый со множествомъ но-

жекъ) *съ шумомъ и грохотомъ сталъ отодвигаться отъ противоположной стѣны*, гдѣ онъ стоялъ, *и надвигаясь подошелъ почти вплоть до насъ*. Старушка няня, крестясь, шептала: «да воскреснетъ Богъ», думая, что дѣйствуетъ нечистая сила и что теперь все сейчасъ же прекратится; но не тутъ-то было. По моему желанію, столъ этотъ съ грохотомъ сталъ снова двигаться и возвратился на прежнее мѣсто къ стѣнѣ [1]). Гармонія продолжала, уже лежа на полу, издавать жалобные звуки, похожіе на стоны. Затѣмъ, опять-таки по моей просьбѣ, тотъ же большой обѣденный столъ нѣсколько разъ то подходилъ близко къ намъ, то отодвигался на свое мѣсто къ стѣнѣ, на глазахъ у всѣхъ (*насъ было пять человѣкъ и въ комнатѣ было свѣтло*); прилетѣлъ ко мнѣ откуда-то столовый ножъ и легъ на мои руки, я передала его посмотрѣть старушкѣ нянѣ, не перестававшей то ахать, то креститься и читать всѣ извѣстныя ей молитвы. Тогда ея дочь, издѣваясь, сказала: «А ну-ка, чортъ, будетъ тебѣ столы вертѣть, да играть на гармоніи, съиграй-ка лучше мнѣ на гитарѣ». Не успѣла она договорить этой фразы, какъ быстро несясь въ воздухѣ и издавая сильный шумъ, звонъ и звяканье, надъ нашими головами, стуча другъ о друга, стали кружиться какіе-то странные предметы. Напуганныя женщины обѣ бѣгомъ бросились на дворъ и еле добѣжали къ себѣ, воображая, что за ними гонятся всѣ силы ада; мы тоже струсили и сидѣли обхвативъ руками головы,

[1]) Очень рѣдкій случай, когда предметъ сдвинувшись съ мѣста, возвращается обратно. *Ред.*

боясь, чтобы эти странные шумящіе и летающіе предметы не изувѣчили насъ; затѣмъ они съ шумомъ упали на полъ и когда мы, придя въ себя, стали ихъ поднимать и разсматривать, то это оказались двѣ жестяныя кружки, друшлагъ, сковородки и двѣ эмалированныя кастрюли; всѣ они, вѣроятно, изъ кухни прилетѣли сюда и такъ напугали невѣрующихъ. Да и насъ вѣрующихъ тоже порядкомъ-таки напугали. У меня отъ волненій этого дня и всей этой трескотни сильно разболѣлась голова и я, выйдя на крыльцо, сѣла отдохнуть. Было около двѣнадцати часовъ ночи. Луна продолжала ярко свѣтить, звѣзды безмятежно сіяли на темномъ небѣ и я, глядя на нихъ, думала о мірахъ невидимыхъ и вполнѣ допускала возможность существованія «духовъ».

На слѣдующій день утромъ, часовъ въ 11, неизвѣстно откуда взявшіяся двѣ сливы упали около меня на полъ, хотя ни въ моей, ни въ сосѣднихъ комнатахъ никого не было. Затѣмъ до самаго вечера ничего особеннаго не произошло. Вечеромъ того же дня (28-го августа) мы пригласили прійти на нашъ сеансъ помощника моего управляющаго, Константина Иванова, довольно интеллигентнаго молодого человѣка, кончившаго курсъ въ сельскохозяйственной школѣ близъ мѣстечка Кривого Рога (Херсонской губерніи) и со дня окончанія курса жившаго въ моемъ имѣніи. Ивановъ недавно же женился и хотя жена его, участвовавшая въ нашихъ сеансахъ, и старалась убѣдить его въ томъ, что все происходившее у насъ *не вымыселъ*, а истинная правда, но онъ не вѣрилъ ей и самъ желалъ лично провѣрить ея разсказы. Итакъ, въ этотъ вечеръ насъ было четверо въ столовой. Ивановъ, несмотря на чуть не клятвенныя увѣренія своей жены, продолжалъ скептически и насмѣшливо относиться *«къ нашимъ чудесамъ»*. Усѣвшись около столика, рядомъ съ нами, поставивъ около себя свѣчу и вооружившись коробкой спичекъ, онъ тщательно осмотрѣлъ всѣ углы комнаты, самолично подлѣзая подъ каждый стулъ и диванъ, а также *провѣривъ, всѣ ли наши* руки положены на столикъ, и убѣдившись, что и тутъ все безъ обмана, Ивановъ свои руки побѣдоносно возложилъ поверхъ нашихъ рукъ, чтобы мы ими не могли ничего продѣлать, и, вѣроятно, уже мысленно торжествовалъ, собираясь вдоволь посмѣяться надъ нами и надъ *«нашими духами»*. Лампу вынесли, а двери заперли еще ранѣе, и какъ только наступили тишина и темнота, изъ противоположнаго угла, летя по направленію къ намъ, заиграла гармонія (мы по слуху могли опредѣлить это) и играя, чуть не задѣвъ по носу скептика Иванова, опустилась на его руки, лежавшія поверхъ нашихъ рукъ, имъ придерживаемыхъ. Затѣмъ, поднявшись снова, гармонія полетѣла обратно на другой столъ. Ивановъ немедленно зажегъ спичку и *убѣдился*, что все это продѣлывается не нами, такъ какъ всѣ наши руки неподвижно все время лежали на столикѣ, подъ его руками. Затѣмъ, съ шумомъ и грохотомъ, какъ это бывало и прежде, большой черный обѣденный столъ началъ свои передвиженія по нашей комнатѣ, отъ стѣны, гдѣ онъ всегда стоялъ, подходя до насъ вплотную и возвращаясь обратно на прежнее мѣсто. Ивановъ снова зажегъ свѣчу, но столъ и при свѣтѣ, не стѣсняясь, сталъ двигаться взадъ

*

и впередъ, то подходя близко къ намъ, то возвращаясь *по нашей просьбѣ на свое прежнее мѣсто.* Ивановъ сильно поблѣднѣлъ и молчалъ. Свѣчу погасили. Вдругъ на полу, у нашихъ ногъ, задребезжалъ какой-то струнный инструментъ, котораго раньше при осмотрѣ нашей комнаты не было. Ивановъ моментально зажегъ свѣчу и мы увидѣли, что бренчало на балалайкѣ, принадлежащей мальчику, живущему въ кухнѣ. Балалайку Ивановъ взялъ и понесъ собственноручно въ кухню отдать ее владѣльцу. Не успѣлъ Ивановъ запереть двери и сѣсть на свое прежнее мѣсто, какъ только что имъ отнесенная въ кухню балалайка *уже пришла къ намъ черезъ затворенныя двери и окна* и, двигаясь по полу, изъ одного угла комнаты въ другой, продолжала *таинственную музыку.* По моему желанію, картина, снявшись со стѣны, легла Иванову на голову, къ нему-же на голову, поднявшись съ дальняго стола, *надѣлся фарфоровый абажуръ.* Ивановъ во все время этихъ явленій *не снималъ своихъ рукъ съ нашихъ и крѣпко ихъ придерживалъ, и руки наши не двигались съ мѣста и никто изъ насъ не вставалъ, что отлично чувствовалъ Ивановъ, держа наши руки.* Въ стоявшемъ неподалеку отъ насъ, большомъ запертомъ сундукѣ начался стукъ; въ немъ (внутри его) съ шумомъ все переворачивали, желѣзными его ручками стучали и звякали и затѣмъ сундукъ сталъ приподниматься самъ и сильно стучать объ полъ. Тогда Ивановъ одной рукой продолжая держать наши руки (собранныя всѣ вмѣстѣ, поверхъ столика), другой своей рукой, старался удержать за желѣзную ручку большой сундукъ, расходившійся не въ мѣру; сундукъ этотъ такъ и скакалъ, такъ и рвался изъ-подъ руки Иванова то вверхъ, то въ разныя стороны, точно живой разсвирѣпѣвшій звѣрь. Зажгли свѣчу. Сундукъ стоялъ опрокинутымъ на бокъ и весь полъ (обитый клеенкою) былъ изорванъ въ куски, хотя никто изъ насъ къ сундуку въ этотъ вечеръ даже не подходилъ.

Когда погасили свѣчу и мы опять усѣлись по прежнему и Ивановъ сверху своими руками сталъ придерживать всѣ наши руки, я почувствовала, что кто-то беретъ меня за ногу и въ два пріема снимаетъ съ меня туфли и не успѣла я заявить объ этомъ, какъ сидѣвшая возлѣ меня жена Иванова вскрикнула и объявила, что ей что-то странное надѣваютъ на голову; тотчасъ же зажгли свѣчу и снятая съ моей ноги туфля оказалась надѣтой на голову моей сосѣдкѣ каблучкомъ вверхъ. Затѣмъ вторично кто-то уже сразу снялъ съ моей ноги ту же туфлю и положилъ ее на руки Иванову лежащія поверхъ нашихъ рукъ на столикѣ. Потомъ съ другого стола прилетѣлъ бронзовый подсвѣчникъ и, поочередно слегка постукавъ насъ по головѣ, упалъ на мои колѣни. Какія-то невидимыя сильныя руки стали тянуть насъ къ полу за подолы нашихъ платьевъ и такъ сильно, что платья трещали. Затѣмъ, къ ужасу своему, я почувствовала, что кто-то беретъ меня за затылокъ (я ясно ощущала *большую ладонь и движущіеся пальцы*) и что-то странное дѣлаютъ съ моей головой: изъ волосъ вынимались шпильки и волосы мои расплетали и дергали за концы ихъ. Я сказала объ этомъ другимъ и въ ту же минуту сидѣвшая около меня дѣвушка вскрикнула и

объявила, что ей кто-то насильно разжимаетъ ротъ и что-то кладетъ между переднихъ зубовъ. Оказалось, что всѣ вынутыя изъ моей головы шпильки были вложены ей въ ротъ. Ивановъ во все время пока продолжались описываемыя явленія держалъ наши собранныя руки въ своихъ рукахъ, поверхъ столика. Никто изъ насъ не вставалъ съ мѣста, двери по прежнему оставались запертыми, а окна были съ двойными, еще съ прошлой зимы плотно замазанными рамами, и въ этотъ вечеръ не только въ нашей комнатѣ, *но и во всемъ домѣ*, кромѣ насъ четверыхъ, не было ни души (подразумѣвая живыхъ людей). Спички и свѣчи зажигались тотчасъ-же послѣ всякаго явленія *и всегда оказывалось, что никто не вынималъ своихъ рукъ изъ-подъ крѣпко на нихъ наложенныхъ рукъ Иванова.*

Много было еще разныхъ явленій въ этотъ вечеръ, но все больше повтореніе прежде бывшихъ; играли на гармоніи, на балалайкѣ, снимались платки съ одного человѣка и надѣвались на другого, были легкіе удары по лицу летающими салфетками и полотенцами и даже подушками. Ящикъ съ письмами и разной мелочью, съ дальняго стола прилетѣвъ къ намъ, сталъ на руки Иванова; письма шелестѣли и взлетали на воздухъ даже и въ то время, когда были зажжены свѣчи, *и всѣ лежащіе на днѣ ящика мелкіе предметы* двигались въ немъ какъ живые. Ивановъ, блѣдный и испуганный, сталъ просить насъ, чтобы мы его отпустили и сталъ клясться, *что теперь и самъ повѣрилъ* и во всякое время готовъ подтвердить, что все здѣсь при немъ происходившее *не обманъ, а истинная правда.*

Когда Ивановъ ушелъ и за нимъ одна изъ дѣвушекъ также ушла ужинать, а я съ другой осталась и стала разговаривать, перейдя въ сосѣднюю комнату; *въ нашей комнатѣ горѣли свѣчи, а въ столовой лампа.* Въ это время два черныхъ зонтика, раскрывшись (ножками вверхъ), *быстро бѣжали, точно двѣ черныя большія птицы*, какъ бы желая перегнать другъ друга, изъ прихожей къ намъ и добѣжавъ до дверей той комнаты, гдѣ мы сидѣли, остановились и упали. Черезъ нѣсколько минутъ дѣвушка, стоявшая возлѣ меня, закрывъ лицо руками, стала кричать: «Боже мой, это ужасно! это ужасно» и упала лицомъ на подушки дивана. А я вижу, что что-то странное, какъ бы выйдя со двора, не то летитъ, не то ползетъ къ намъ, затѣмъ оно стало переходить *освѣщенную лампой комнату и, перейдя ее на нашихъ глазахъ, быстро бросилась на дверь, гдѣ и повисло на ея верхнемъ углѣ.* Оказалось, что это была очень большая вѣтка, почти цѣлый кустикъ бѣлой акаціи, который, внезапно выдвинувшись со двора къ намъ, такъ испугалъ дѣвушку.

Слѣдующіе дни рѣшились не устраивать сеансовъ, пока хотя немного не успокоятся наши нервы.

Всѣ эти дни были гости и мы опытовъ не производили до 5-го сентября. Начавъ ихъ въ этотъ день вечеромъ и все въ той же комнатѣ (въ столовой) и все при тѣхъ же условіяхъ, мы получили слѣдующія явленія. Столикъ, на которомъ мы держали наши руки, нѣсколько разъ наклонялся въ разныя стороны (но больше всѣхъ въ мою), а затѣмъ нѣсколько разъ весь поднимался на воздухъ. Большой тяжелый

обѣденный столъ, по прежнему, по моей просьбѣ, съ шумомъ и грохотомъ передвигался съ одного мѣста на другое, какъ бы повинуясь даннымъ приказаніямъ или же, по моему же желанію, прекращалъ свои эволюціи и стоялъ смирно на своемъ всегдашнемъ мѣстѣ (двигался онъ и тогда, когда зажигали свѣчи, причемъ, въ комнатѣ присутствовало 5 лицъ). Гармонія, по моей же просьбѣ, летая по воздуху и иногда останавливаясь надъ нашими головами или передъ лицомъ, громко играла и кто-то тутъ присутствовавшій, но намъ невидимый, свисталъ въ свистокъ, нарочно нами положенный въ этой же комнатѣ. Тутъ же, въ этой комнатѣ, около насъ, играла балалайка, ползая по полу около нашихъ ногъ и переходя отъ одного угла комнаты въ другой, хотя никто изъ насъ къ ней не прикасался, и которая, когда мы сеансъ прекратили и вышли на крыльцо, оказалась кѣмъ-то повѣшенной на дерево около крыльца и такъ высоко, что ее съ трудомъ оттуда достали... Затѣмъ, собираясь ложиться спать, мы вошли въ сосѣднюю со столовой комнату; я сидѣла на кровати, а обѣ дѣвушки убирали комнаты; всѣ, бывшіе до этого въ домѣ люди— чужіе, въ этотъ день пріѣхавшіе съ гостями, и свои, ушли въ людскую ужинать; гости были въ другомъ, новомъ домѣ, а въ этомъ маленькомъ домѣ, кромѣ насъ трехъ, никого не было. Такъ какъ было еще очень тепло на дворѣ, то всѣ двери въ комнатахъ, а также и двери ведущія изъ прихожей на дворъ, оставались отворенными. Вдругъ что-то со стукомъ падаетъ около меня; смотримъ — оказывается, что кѣмъ-то брошено къ моимъ ногамъ нѣсколько кусковъ сахару. Во всѣхъ комнатахъ,

а также и въ той, гдѣ я тогда сидѣла, *горѣли свѣчи и лампы* и, слѣдовательно, было очень свѣтло. Въ этотъ вечеръ, въ комнатѣ Иванова, моего второго управляющаго, вмѣстѣ съ нимъ пили чай пріѣзжіе люди; самоваръ и другія принадлежности чаепитія оставались еще неубранными; комната эта была *четвертая* отъ той, гдѣ мы тогда находились. Мы удивились, не понявъ сразу, откуда и кто бросаетъ къ намъ сахаръ. Черезъ нѣсколько минутъ, вѣроятно, изъ той же комнаты, пролетѣвъ черезъ три довольно большихъ комнаты, къ намъ влетѣла жестяная кружка и также упала къ моимъ ногамъ. Было около десяти часовъ вечера и весь домъ еще былъ освѣщенъ. Послѣ этого что-то завозилось въ прихожей и, позвякивая, приближалось оттуда къ намъ. Удивленныя и заинтересованныя, мы встали съ своихъ мѣстъ и начали смотрѣть: изъ комнаты Иванова, перейдя всю прихожую и черезъ столовую, медленно двигаясь, а иногда и подскакивая, подходилъ самоваръ; канфорка съ него, въ дверяхъ столовой, сама снявшись съ самовара, отдѣльно отъ него стала быстро двигаться (ползя по полу) къ намъ же въ комнату. Затѣмъ изъ очень большой каменной лоханки, до этого стоявшей въ прихожей, кто-то невидимый, поднявъ ее на аршинъ отъ полу и раскачивая ее на воздухѣ вправо и влѣво около самыхъ нашихъ дверей, ведущихъ въ столовую, *налилъ много воды*... Спустя нѣсколько секундъ, сильно звоня, черезъ столовую влетѣлъ нашъ большой мѣдный колоколъ, затѣмъ, опустившись на полъ, поползъ также къ нашимъ дверямъ и тамъ остановился, не переходя порога. Не прошло и минуты, какъ что-то вновь

съ шумомъ вкатилось изъ прихожей въ столовую и, пройдя ее, остановилось у моихъ ногъ. Оказалось, что это была очень большая круглая корзина, наполненная сѣномъ, въ которой на дворѣ обыкновенно спали собаки и которая всегда стояла возлѣ крыльца дома. Корзина эта быстро катилась къ намъ бокомъ (какъ колесо), соря на пути своемъ находившимся въ ней сѣномъ; потомъ опять что-то съ большимъ шумомъ завозилось на крыльцѣ и оттуда нашимъ удивленнымъ взорамъ предстала большая красная *желѣзная ванна*. Ванна эта точно живая, стуча и грохоча, по временамъ останавливаясь (повторяю, что всѣ комнаты *были освѣщены*), медленно также ползла къ намъ и, дойдя вплоть до нашихъ дверей, остановилась, такъ какъ дальнѣйшій путь ей преграждала стоявшая уже тамъ большая корзина. Тогда ванна точно, соображая, почему-то вдругъ перевернулась *вверхъ дномъ* и тотчасъ изъ прихожей, такимъ же образомъ ползя и останавливаясь по временамъ на своемъ пути, явился большой четырехугольный деревянный ящикъ, вѣсомъ болѣе пуда и въ этотъ только день присланный мнѣ однимъ изъ моихъ сосѣдей съ десятью банками варенья; ящикъ этотъ не былъ еще раскупоренъ *и, самъ, поднявшись, сталъ поверхъ опрокинувшейся вверхъ дномъ ванны*. Мы всѣ смотрѣли и не вѣрили своимъ глазамъ и молча послѣ каждаго явленія смотрѣли другъ на друга со страхомъ, ожидая что будетъ дальше. И какъ все это ни покажется удивительнымъ и невѣроятнымъ, но все это видѣли мы всѣ три, тутъ же около дверей стоявшія, и присягнемъ, если это нужно, въ томъ, что все здѣсь

мною описанное — истинная правда. Повторяю, происходило въ ярко освѣщенныхъ комнатахъ. Послѣ всѣхъ этихъ чудесъ «на яву», черезъ все еще разскрытыя на дворъ двери къ намъ прилетѣло еще нѣсколько зеленыхъ вѣтокъ бѣлой акаціи и три вмѣстѣ связанныхъ вѣтки виноградной зелени, которыя и теперь еще сохраняются у меня. Около получаса дѣвушка убирали комнату, выносили ванну, корзину съ сѣномъ и ящикъ съ вареньемъ, который оказался настолько тяжелымъ, что двѣ женщины насилу его подняли; затѣмъ стали подметать по всѣмъ комнатамъ насоренное катившейся корзиной сѣно и вытирать на полу кѣмъ-то изъ большой каменной лохани налитую воду. Послѣ недолгаго перерыва начались громкіе стуки со двора въ оконныя стекла, какъ будто кто-то барабанитъ въ нихъ пальцами дробь или что-то похожее на маршъ, и стуки эти переходили отъ одного окна къ другому. Мы позвали Иванова. Послѣ его прихода стуки въ окна возобновились еще съ большей силой и къ этому присоединились еще какой-то странный трескъ и шумъ, какъ будто хотѣли выломать ставни, закрытыя изнутри и запертыя на крючки.

26-го января 1897 года.

Дѣла, путешествія и болѣзнь отняли у меня возможность болѣе года заниматься спиритическими изслѣдованіями и продолжать начатый мною дневникъ. По возвращеніи моемъ изъ Петербурга въ деревню, изъ раньше участвовавшихъ на нашихъ сеансахъ пяти лицъ осталась при мнѣ лишь одна неграмотная 18-ти лѣтняя

крестьянская дѣвушка, но за неимѣніемъ лучшаго, поневолѣ пришлось пока довольствоваться и этимъ... 6-го ноября 1896 года, часовъ въ 8 вечера, придя съ нею въ мой кабинетъ, гдѣ и раньше бывали наши сеансы, мы заперли двери, закрыли ставни оконъ (ставни запирались изнутри на крючки и, кромѣ того, въ окнахъ были вставлены двойныя, наглухо замазанныя рамы) и *послѣ тщательнаго осмотра, убѣдившись, что, кромѣ насъ двухъ, въ этой и сосѣднихъ комнатахъ никого нѣтъ*, мы усѣлись за нашъ маленькій круглый столикъ и, погасивъ свѣчи, положили на этотъ столикъ руки, не зная, увѣнчается ли теперь, послѣ такого продолжительнаго перерыва (болѣе года), нашъ маленькій сеансъ какимъ-либо успѣхомъ; появится ли вновь духъ Александра Николаевича Поля или же чей-либо другой?.. Долго просидѣли мы безъ всякаго результата; наконецъ, подъ нашими руками столикъ задрожалъ, какъ бы ожилъ, и вдругъ, поднявшись на воздухъ, вровень съ моимъ лицомъ, сталъ какъ бы осѣнять меня крестнымъ знаменіемъ (верхнимъ краемъ доски, прикасаясь сначала слегка къ моему лбу, затѣмъ груди, правому и лѣвому плечу такъ, какъ мы, обыкновенно, крестимся). Обрадованныя появленіемъ духа, мы сначала посредствомъ выстукиванія столикомъ буквъ и составленія изъ нихъ словъ, вступили съ нимъ въ бесѣду, а потомъ стали просить его поиграть на гармоніи заранѣе нами принесенной въ эту комнату и положенной на другой столъ, вмѣстѣ со свисткомъ и небольшимъ колокольчикомъ. Просьба наша была исполнена и *началась игра на гармоніи кѣмъ то намъ невидимымъ*, а затѣмъ, когда мы

попросили, то духъ сталъ *громко свистать въ свистокъ и звонить колокольчикомъ* то близко около насъ, *то высоко въ воздухѣ, надъ нашими головами*, то въ разныхъ мѣстахъ комнаты, а затѣмъ, взявъ тутъ же, на большомъ столѣ лежавшую связку моихъ ключей, духъ сталъ и ими *звонить въ воздухѣ*, въ разныхъ мѣстахъ комнаты, точно погремушками; мы же, не двигаясь съ мѣста, сидѣли возлѣ нашего маленькаго столика, на которомъ лежали наши руки: снизу обѣ руки дѣвушки, *покрытыя сверху сдерживавшими ихъ моими обѣими руками*. Слышанная нами музыка продолжалась довольно долго, послѣ чего, какъ бы утомясь этимъ, духъ снова, посредствомъ выстукиваній столикомъ, сталъ давать намъ отвѣты на вопросы... Когда часа черезъ два сеансъ этотъ окончился, то хотя особенно выдающагося ничего не произошло, но я все-таки осталась весьма довольна тѣмъ, что, послѣ столь продолжительнаго перерыва, *связь наша съ міромъ невидимымъ не была порвана*. Черезъ нѣсколько дней и при почти одинаковыхъ условіяхъ, возобновились тѣ же явленія, но уже *съ добавленіемъ новыхъ*. Духъ, по нашей просьбѣ, подавалъ намъ цвѣты, находившіеся тутъ же въ комнатѣ, и хотя свѣчи были потушены и темнота была полная, онъ выбиралъ и приносилъ намъ *тѣ именно цвѣты, которые мы просили, кладя ихъ на наши руки все время не снимаемыя* нами и спокойно лежавшія поверхъ того маленькаго столика, около котораго мы сидѣли. Потомъ духъ сказалъ намъ (стуками), чтобы принесли колоду картъ на слѣдующій сеансъ, и когда это было исполнено, онъ попросилъ, чтобы мы ихъ

разложили на большомъ письменномъ столѣ (далеко стоявшемъ отъ того мѣста, гдѣ мы сидѣли) и въ такомъ порядкѣ: красныя въ одну сторону, а черныя въ другую, а потомъ *онъ сталъ*, по нашему указанію, подавать намъ тѣ именно карты, которыя мы называли ему, и также, какъ и цвѣты, класть ихъ поверхъ нашихъ рукъ (ни на минуту, какъ я уже говорила, во время этихъ явленій не снимаемыхъ нами со столика нашего) или же нѣкоторыя карты клались намъ на колѣни. Всякій разъ, когда одна или нѣсколько картъ сразу были положены къ намъ, мы тотчасъ же зажигали свѣчи и, убѣдившись, *что карты даны правильно*, тѣ, именно, которыя мы просили, вновь гасили свѣчи и опять продолжали интересный опытъ. Затѣмъ, какъ бы ободренный нашей благодарностью, духъ сталъ приносить намъ ленты, перчатки, фотографическія карточки, альбомы, шкатулки и ящики (иногда довольно тяжелые) и много другихъ вещей изъ бывшихъ тутъ же въ комнатѣ. Спустя нѣсколько минутъ, онъ изъявилъ желаніе, чтобы ему принесли стаканъ и чайную ложку, и когда это было исполнено, то *онъ сталъ ложечкою стучать о стаканъ* по три раза, а иногда и болѣе, въ знакъ утвердительнаго отвѣта на наши вопросы, и одинъ разъ въ знакъ отрицательнаго отвѣта, а чтобы какъ нибудь еще ускорить и упростить наши переговоры, которые посредствомъ выстукиванія столикомъ замедляли дѣло, были утомительны и скучны, духъ предложилъ намъ слѣдующее: когда отвѣты утвердительные, то онъ будетъ троекратно постукивать пальцемъ по столу, когда же отрицательные, то по три раза

царапать по столу пальцами, если же вопросы наши ему не понравятся или же мы его чѣмъ-нибудь разсердимъ, то онъ очень громкими ударами кулакомъ по столу будетъ заявлять намъ объ этомъ.

Такимъ путемъ между нами установился отчасти ускоренный методъ переговоровъ и, кромѣ этого, мы прибѣгали и къ выстукиванію отвѣтовъ столикомъ (по буквамъ), но лишь тогда, когда предстояли болѣе сложныя объясненія.

Такимъ образомъ, не имѣя ни товарищей, ни опытныхъ руководителей, живя въ глухой деревнѣ, гдѣ не только опрометчиво, *но даже и опасно было заявлять о томъ, что мы ведемъ* бесѣды съ «духами», мы должны были продолжать наши интересныя изслѣдованія, боясь всего,—и злыхъ пересудъ, и *ложныхъ толкованій и суевѣрнаго невѣжества* окружающихъ насъ людей, преимущественно крестьянъ... Но, не смотря на все эти неудобства, сеансы у насъ всетаки бывали часто, происходящія на нихъ явленія, *постепенно усиливаясь и развиваясь*, невольно сдѣлались еще притягательнѣе и все болѣе и болѣе увлекали насъ... Однажды, съ разрѣшенія духа, мы пригласили присутствовать на одномъ изъ сеансовъ (но лишь въ качествѣ зрительницы) мою старушку няню, *но и въ ея присутствіи, повидимому, не стѣсняясь имъ*, духъ сталъ бросать намъ, а также, по нашей просьбѣ и ей, цвѣты и подавать разные предметы. Она сначала очень удивилась, а потомъ заподозрила насъ въ продѣлываніи фокусовъ, но въ концѣ концовъ, зажигая ежеминутно стоявшую около нея свѣчу и постоянно *держа наши руки въ своихъ и видя, что мы*

ихъ ни на минуту не отнимаемъ и даже не двигаемся съ мѣста, въ то время когда происходили всѣ вышеозначенныя явленія, и убѣдившись, наконецъ, что мы тутъ не причемъ и ея не обманываемъ, она стала также вѣрить *возможности появленія «духовъ» среди живыхъ людей...*

Въ одинъ изъ вечеровъ и также въ присутствіи этой женщины, духъ давая отвѣты на наши вопросы, ударяя чайной ложечкою по стакану (назначаемое ему число разъ), до того усердно и сильно сталъ ударять ложечкой по стакану, что отбилъ отъ края стакана нѣсколько кусковъ, и когда послѣ этого, шутя, я попросила его не бить стакановъ, а лучше изъ другого стакана дать мнѣ напиться, *мы всѣ тотчасъ же услышали* (*няня сидѣла около насъ, не выпуская ни на минуту нашихъ рукъ изъ своихъ*), *что кто то*, приблизившись *къ большому письменному столу* (въ комнатѣ, кромѣ насъ, никого не было, двери и окна были закрыты и заперты изнутри; на столѣ лежали на тарелкѣ яблоки и стоялъ графинъ съ квасомъ, сталъ изъ графина наливать въ стаканъ *и вскорѣ стаканъ, до краевъ наполненный квасомъ невидимымъ существомъ*, былъ поднесенъ къ моимъ губамъ; я невольно вздрогнула и испугалась въ первую минуту, но затѣмъ, преодолѣвъ страхъ, я выпила немного и попросила дать пить и другимъ. Моментально стаканъ кѣмъ то поднесенъ былъ и имъ, но онѣ обѣ съ крикомъ въ ужасѣ отшатнулись и отказались отъ любезнаго угощенія духа, но онъ, повидимому, за это на нихъ не разсердился, такъ какъ тотчасъ же сталъ намъ всѣмъ поочередно

подносить яблоки, лежавшія на тарелкѣ. На слѣдующій вечеръ, желая знать, что произойдетъ далѣе, мы принесли съ собою на сеансъ разныхъ лакомствъ, кушаній и духъ, какъ и наканунѣ, былъ любезенъ съ нами, угощалъ насъ всѣмъ бывшимъ на столѣ.

Въ одинъ изъ послѣдующихъ сеансовъ, я нарочно положила на письменный столъ нѣсколько совершенно новыхъ серебряныхъ монетъ, прося духа, чтобы онъ подержалъ ихъ въ своихъ рукахъ и потомъ передалъ бы ихъ мнѣ. Духъ тотчасъ же исполнилъ эту просьбу, сталъ со стола приносить монеты одну за другой и класть ихъ сверхъ моихъ рукъ все время неподвижно лежащихъ ладонями внизъ на нашемъ маленькомъ кругломъ столикѣ (съ одной стороны руки дѣвушки, съ другой *мои руки сверхъ ея рукъ и сдерживая ихъ*). Тогда одинъ, вѣроятно, неловко положенный рубль упалъ на полъ и съ шумомъ покатился почти у нашихъ ногъ. Мы тотчасъ же зажгли свѣчи и стали искать упавшую монету (няня старушка была въ комнатѣ вмѣстѣ съ нами и держала наши руки, *кладя свои руки сверхъ* всѣхъ нашихъ рукъ въ то время, когда происходили всѣ вышеописанныя явленія). Но какъ мы ни искали этого рубля, ни въ тотъ вечеръ, ни на слѣдующее утро, мы не нашли нигдѣ, хотя вся мебель въ комнатѣ была передвинута съ мѣста. Предполагали и то и другое и, наконецъ, порѣшили, что рублемъ этимъ воспользовался кто-нибудь изъ прислуги, его искавшей. На слѣдующій вечеръ мы собрались вновь (няня, дѣвушка и я), опять всюду осмотрѣли комнату и, *вполнѣ убѣдившись, что, кромѣ насъ троихъ, въ ней нѣтъ никого*, заперли двери и

затѣмъ, усѣвшись по прежнему вокругъ нашего маленькаго круглаго столика и положивъ на него руки, погасили свѣчи; тогда я спросила духа: скажи намъ, пожалуйста, куда дѣлся, упавшій вчера на полъ, рубль?... Мы его искали вездѣ, но нигдѣ не находимъ, а старушка няня прибавила: «Если ты добрый духъ, то не мучай насъ, а скажи куда дѣлся этотъ рубль, а то могутъ и на насъ съ дѣвушкой подумать, что кто-нибудь изъ насъ взялъ его себѣ, и намъ это непріятно; если рубль взялъ ты, то три раза ударь ложечкой объ стаканъ, тогда мы будемъ знать, что это ты съ нами пошутилъ и самъ куда-нибудь его спряталъ». Въ отвѣтъ на эти слова немедленно раздались три звонкихъ удара ложечкой объ стаканъ, а затѣмъ мы всѣ услышали какъ о тарелку, тутъ же стоявшую на другомъ столѣ, кто-то стучитъ будто монетою; вслѣдъ за этимъ духъ, вѣроятно, этимъ самымъ исчезнувшимъ рублемъ сталъ нѣсколько разъ подрядъ стучать опять по той же тарелкѣ, и когда мы его спросили, имъ ли онъ стучитъ, то духъ отвѣтилъ утвердительно и сталъ дотрогиваться какою-то большой монетой до нашихъ лицъ и рукъ; мы, удивляясь, смѣялись и просили духа, чтобы онъ положилъ этотъ рубль въ наши руки, но, онъ продолжая шутливо звонить имъ по тарелкѣ, въ руки намъ его все-таки не отдавалъ и, позабавившись такимъ образомъ надъ нами, рубля обратно не возвратилъ, а сталъ играть на гармоніи, свистать въ свистокъ и звонить ключами громко и быстро, какъ бы подшучивая надъ нами или чему-то радуясь... Затѣмъ вновь постучавъ неуловимымъ рублемъ нѣсколько разъ по тарелкѣ, бросилъ его на полъ

къ нашимъ ногамъ; мы обрадовались, предполагая, что на этотъ разъ мы его найдемъ, поспѣшно встали, зажгли свѣчи и стали осматривать то мѣсто, куда онъ былъ брошенъ. Но не тутъ-то было!... Какъ мы ни искали,—всѣ наши поиски оказались вновь тщетными, и въ продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ духъ подшучивалъ надъ нами такимъ же образомъ, а затѣмъ это, вѣроятно, ему надоѣло и онъ попросилъ у меня позволенія оставить этотъ рубль у него, на что я съ удовольствіемъ согласилась. Когда же духъ послѣ этого, во время нашихъ сеансовъ, приходилъ къ намъ, то мы часто его спрашивали: «А что, цѣлъ ли у тебя рубль или уже его нѣтъ»? Въ отвѣтъ на это онъ отвѣчалъ постукиваніемъ монетой по тарелкѣ или по стакану или же дотрогивался ею до нашихъ рукъ, до нашихъ лицъ, а иногда стучалъ ею и по тому маленькому столику, на которомъ лежали наши руки, и затѣмъ, уходя отъ насъ, вновь уносилъ монету эту куда-то съ собою.

Чѣмъ чаще были сеансы, тѣмъ духъ становился общительнѣе съ нами, и на послѣдующихъ сеансахъ онъ уже *крестилъ насъ* (осѣняя крестнымъ знаменіемъ), клалъ свою руку на наши головы, гладилъ рукою по головѣ, дотрагивался до нашихъ рукъ и до насъ, дулъ намъ тихонько въ лицо и на руки по нашей просьбѣ, и по нашей же просьбѣ большимъ гребнемъ ловко и осторожно расчесывалъ наши волосы.

Происходили и слѣдующія явленія. Когда, однажды, я обратилась къ духу съ просьбою, дать мнѣ что-нибудь на память, то мы, тутъ сидѣвшія (опять-таки повторяю,

что во время всѣхъ вышеописанныхъ явленій никто изъ сидящихъ въ комнатѣ, пока они происходятъ, *не снимаетъ рукъ* съ того маленькаго круглаго столика, за которымъ мы сидимъ, и никто не встаетъ съ мѣста, а всѣ впродолженіе всего сеанса, исключая лишь времени перерывовъ его, остаются въ разъ занятомъ положеніи, стараясь даже не дѣлать движеній; руки всѣхъ соединены вмѣстѣ и малѣйшее движеніе одного изъ сидящихъ *не можетъ* не быть замѣчено остальными; посторонних же въ комнатѣ нѣтъ, такъ какъ *до* и *послѣ* того какъ запираютъ двери, комнату всюду тщательно осматриваютъ и уже послѣ этого гасятъ свѣчи), *всѣ вновь услышали и совершенно ясно*, какъ *кто-то, подойдя къ письменнымъ столамъ* (которыхъ въ комнатѣ было два, изъ нихъ одинъ очень большой), *выдвигаетъ изъ нихъ поочередно ящики и въ нихъ все какъ бы перебираетъ руками, точно отыскивая что-то*. Мы слышали всѣ одновременно шелестъ бывшихъ тамъ бумагъ, постукиваніе какъ бы монетами, медалями и другими тамъ лежавшими предметами. Послѣ этихъ поисковъ ящики столовъ съ шумомъ задвигались на мѣсто и вещи, взятыя оттуда кѣмъ-то, осторожно клались на мои руки (лежавшія сверхъ рукъ другихъ на нашемъ маленькомъ кругломъ столикѣ) или мнѣ на колѣни, и хотя никого и *не было видно, но мы чувствовали около себя присутствіе какого-то невидимаго существа; оно трогало мои руки и прикасалось къ колѣнямъ, кладя на нихъ вещи, и когда это существо приближалось къ намъ или опять удалялось, то всѣ мы слышали медленные шаги какъ бы человѣка, ходящаго босыми ногами*.

Всякій разъ, когда приносились новыя вещи изъ ящиковъ письменныхъ столовъ, мы зажигали свѣчи и съ большимъ любопытствомъ осматривали ихъ (большею частью это были фотографіи и письма *людей уже умершихъ*); какъ могъ онъ (духъ), въ полнѣйшей темнотѣ, среди множества другихъ писемъ и бумагъ, *выбрать именно ихъ*, — не понимаю; но иногда приносились имъ откуда-то и другіе предметы, чаще всего старинныя монеты и медали.

Наконецъ произошло еще одно новое явленіе, по моему, въ высшей степени замѣчательное и интересное, которое всѣ наблюдающіе медіумическія явленія могутъ попытаться получить на своихъ сеансахъ. Явленіе *это можетъ заставить призадуматься даже самыхъ ярыхъ и завзятыхъ ненавистниковъ спиритизма*.

На сеансѣ этомъ участвующихъ было только насъ двѣ, (дѣвушка Анна Корпунова и я). *Положивъ, на большомъ столѣ, стоявшемъ въ противоположномъ углу комнаты (далеко отъ того мѣста, гдѣ сидѣли мы*, за маленькимъ столикомъ), *на тарелку довольно большой кусокъ мягкой бѣлой глины*, я просила духа сдѣлать изъ нея шарикъ. Въ комнатѣ *было совершенно темно* и я, сидя далеко отъ того мѣста, гдѣ стояла тарелка съ глиной, все время *держала руки* дѣвушки, лежавшія на столикѣ, *подъ своими руками, крѣпко сжимая ихъ и ни на секунду не выпуская*, такъ что ей нельзя было не только встать со своего мѣста, но и сдѣлать малѣйшее движеніе, которое мною *не было бы замѣчено*, и ручаюсь, что она во все время, пока происходило описываемое явленіе, не тронулась съ мѣста, а между

тѣмъ, вотъ что произошло: вскорѣ послѣ высказанной мною просьбы, мы услышали какъ около того стола, гдѣ лежала глина, *кто-то двигается и трогаетъ тарелку.* Спустя нѣсколько секундъ, тамъ же, на столѣ, раздался громкій троекратный стукъ. Мы моментально зажгли свѣчи, встали и подошли къ большому столу, откуда раздались стуки, и *увидѣли на кускѣ положенной нами глины* свѣжій изломъ, не бывшій на ней до этого, *а рядомъ, тутъ же лежалъ сдѣланный изъ нея шарикъ* (величиною съ грецкій орѣхъ), а на черной клеенкѣ, которой былъ обтянутъ верхъ этого стола, *остались отпечатки какъ бы большихъ человѣческихъ пальцевъ,* вѣроятно, производившихъ означенную работу (глина была *бѣлая и сырая,* и слѣды пальцевъ рѣзко выдѣлялись на черной клеенкѣ), а близъ стола, на полу, лежали также небольшія частички глины, вѣроятно, упавшія со стола во время производимой работы... Хотя мы уже стали понемногу привыкать къ разнаго рода выдающимся явленіямъ, происходившимъ въ нашемъ присутствіи за это время, но это явленіе мнѣ показалось *особенно замѣчательнымъ* «неопровержимымъ фактомъ». О галлюцинаціи тутъ *не могло быть рѣчи.* Я была въ высшей степени довольна достигнутымъ результатомъ. А послѣ такой удачи, стала уже желать бóльшаго, и когда мы вновь размѣстились по-прежнему вокругъ маленькаго круглаго столика и свѣчи были погашены, я стала просить духа сдѣлать для меня изъ глины уже не одинъ, а пять шариковъ и просила, чтобы они всѣ сдѣланы были различной величины; послѣ этого послѣдовала опять возня около той же тарелки съ гли-

ной и вновь раздался троекратный ударъ пальцемъ по тому же столу, гдѣ была глина. Мы опять встали со своихъ мѣстъ, отнявъ руки отъ маленькаго столика, зажгли свѣчи и еще съ бóльшимъ любопытствомъ подошли къ тому столу, гдѣ происходила *таинственная работа,* и нашли на этотъ разъ *уже не одинъ, а пять шаровъ различной величины, положенныхъ на краю стола, всѣ въ рядъ, начиная съ самаго большого и кончая самымъ маленькимъ.* Заказъ мой былъ выполненъ точно и аккуратно. На послѣдующихъ сеансахъ на письменномъ столѣ, и на другомъ большомъ, тутъ же въ комнатѣ стоявшемъ, иногда на окнахъ, на этажеркахъ и *также вдали отъ насъ и въ полнѣйшей темнотѣ,* духъ такимъ же способомъ сталъ дѣлать и другія вещицы изъ глины и также каждый разъ, по окончаніи работы, троекратными громкими ударами пальцемъ по столу или тому мѣсту, гдѣ производилась имъ работа, звалъ насъ осматривать ее, и когда мы, повинуясь призывному сигналу, подходили къ указанному стуками мѣсту, *то всегда находили тамъ двѣ-три, а иногда до пяти вещицъ, сдѣланныхъ изъ глины, весьма искусно, оригинальныхъ формъ, а иногда съ различными затѣйливыми рисунками* (скорѣе, какъ бы отпечатками), и чего-чего только тутъ не было: домики съ высокими трубами, изображенія различныхъ животныхъ, башмачки, молоточки, круглыя и овальныя лепешечки, а на нихъ странные рисунки, какъ-то: кинжалы, чашки, кресты, ручки, фрукты какихъ-то разныхъ формъ и величинъ, изъ которыхъ иные были испещрены какими-то знаками и отпечатками, и еще много затѣйливыхъ фигурокъ всевозможныхъ формъ, названій ко-

торымъ трудно и подыскать. Вещи эти, какъ величайшая рѣдкость, бережно хранятся у меня, а часть изъ нихъ передана мною Александру Николаевичу Аксакову и дԁугимъ лицамъ въ Петербургѣ. Фабрикація этихъ предметовъ невидимымъ мастеромъ еще долго продолжалась, но, наконецъ, на одномъ изъ сеансовъ духъ заявилъ, *что ему эта глина страшно надоѣла, но что онъ продолжаетъ эту работу лишь потому, что знаетъ, что это доставляетъ мнѣ удовольствіе»...*

5-го декабря 1896 года произошло слѣдующее... *Боюсь что мнѣ никто не повѣритъ*, такъ все случившееся было необычайно. *Но даю честное слово, что все это, какъ и раньше мною описанное въ моемъ дневникѣ*, все истинная правда; все это можетъ подтвердить и участвовавшая со мною въ сеансахъ дѣвушка Анна Коркунова. Въ этотъ памятный для меня вечеръ я обратилась къ духу съ слѣдующими словами: Я слышала, что духи иногда разговариваютъ «человѣческимъ голосомъ», какъ живые люди; всѣ до сихъ поръ происходившія въ моемъ присутствіи выстукиванія отвѣтовъ и все остальное, конечно, очень удивительныя, интересныя явленія, но этого мнѣ еще *не достаточно*. Прошу тебя, скажи мнѣ и ты хотя одно только одно слово «человѣческимъ голосомъ». Повтори за мною сейчасъ слово «ау!» И, о, чудо!.. Не успѣла я произнести это, какъ вдругъ близко-близко, около меня, тихимъ, едва слышнымъ шепотомъ, но совершенно внятно и *человѣческимъ голосомъ, кто-то повторилъ «ау!»*. Мы обѣ вздрогнули, это было такъ необычайно, что даже испугало насъ, но потомъ рѣ-

шили, что, вѣроятно, это намъ «показалось», и каждая изъ насъ подумала, что это «ау», желая подшутить надъ ней, произнесла другая. Немного успокоившись, я опять стала просить духа о томъ же и нѣсколько разъ подрядъ, медленно растягивая по складамъ, произнесла «А-ню-та!», но никакого отвѣта не послѣдовало; когда же, не теряя терпѣнія, я въ третій или четвертый разъ повторила это имя, также растягивая по складамъ, то близко отъ меня и, какъ бы передразнивая меня (также растягивая по складамъ), кто-то произнесъ: «А-ню-та», *но голосъ этотъ* не былъ *голосомъ сидѣвшей со мной дѣвушки.* Минуту спустя, съ сильно-бьющимся сердцемъ, боясь, что отвѣта больше не послѣдуетъ, я сказала духу: «прошу теперь, произнеси мое имя, скажи «Леля» (меня зовутъ Еленой), и тотчасъ же, но уже гораздо громче прежняго, *кто-то произнесъ «Лёля» пріятнымъ звучнымъ гололосомъ, голосомъ живого человѣка.* Послѣ этого, вдругъ стремительно, какъ прорвавшійся потокъ, *хлынула живая человѣческая рѣчь, хотя говорившаго не было видно, но обѣ мы слышали все, что онъ говорилъ...* Наконецъ желаніе мое исполнилось и духъ сталъ говорить со мною такъ, какъ говорятъ живые люди... Едва вѣря ушамъ своимъ, я жадно слушала этотъ пріятный симпатичный голосъ, отвѣчающій мнѣ на всѣ мои вопросы, и если бы нашего разговора не слышала также и сидящая около меня дѣвушка, также говорившая съ духомъ, то я подумала бы, *что со мною начинается бредъ, или что я сошла съума.* Но когда и послѣ окончанія этого сеанса Коркунова повторила мнѣ почти всѣ слова, сказанныя при насъ

духомъ (это, несомнѣнно, были тѣ же слова, которыя слышала и я), *то я, наконецъ, убѣдилась въ томъ, что въ моемъ присутствіи совершилось какое-то чудо...* Одновременно радуясь и недоумѣвая, я больше всего боялась того, *что случившееся больше никогда уже не повторится въ моемъ присутствіи.* Но и на слѣдующій вечеръ, во время сеанса, *духъ опять долго разговаривалъ со мною человѣческимъ голосомъ* (разговоры эти слышатъ также *и многіе другіе, приглашаемые мною на сеансы, и все это продолжается уже полтора года и духъ говоритъ съ нами и днемъ, и вечеромъ и почти всегда является къ намъ, когда мы его призываемъ).*

Со временемъ опишу все это подробнѣе, дополню и исправлю эту часть своего дневника. Въ настоящее же время я такъ больна, что съ большимъ трудомъ еле-еле могла написать и эти нѣсколько страницъ.

За истину всего здѣсь написаннаго *ручаюсь.* Елена Деконская, 25-го мая 1898 года.

Что все здѣсь описанное правда и происходило въ моемъ присутствіи, моей подписью удостовѣряю — Анна Коркунова, а за неграмотностью, по ея просьбѣ, расписался Николай Яковлевичъ Ивановъ.

Правду всего здѣсь описаннаго также удостовѣряю своею подписью Марія Малоканова (няня), а за неграмотностью, по ея просьбѣ, расписался Николай Яковлевичъ Ивановъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31-го января 1901 г.

Спб., Типографія В. Демакова, Новый пер., д. № 7.